

НЕ ЧЕЛОВЕКА НЕНАВИЖУ,
А ЕГО ПОРОКИ

НИ ЖИВЫЕ, НИ МЕРТВЫЕ

ДАЙАНА РОФФ

18+

Ди Рофф

Ни живые, ни мёртвые

«Автор»

2025

Рофф Д.

Ни живые, ни мёртвые / Д. Рофф — «Автор», 2025

В приюте Равенна Вэй читала постоянно, каждую свободную секунду посвящала выцветшим строчкам старинных книжек, зачитывая те до дыр. Потому что давление окружающей обстановки было непосильным для маленького ребёнка, от которого отвернулись все высшие силы. Даже когда Равенну забрали приёмные родители, она не могла отделаться от ощущения, что ей нигде нет места. Чужая среди своих. Родная среди чужих. Таким же когда-то был и Рэбэнус Донован - человек, который первым нашёл магию, но использовал её во зло. А затем исчез на долгие десятилетия, уничтожив многие семьи. Его, этого дьявола во плоти, считают уже давно погибшим, но Равенна уверена, что он всё ещё жив. Ведь именно он хочет её убить.

Содержание

Пролог	6
I: Ни новые, ни старые	8
II: Ни красота, ни уродство	17
III: Ни радость, ни грусть	24
IV: Ни тьма, ни свет	33
V: Ни сон, ни явь	43
VI: Ни страх, ни хаос	51
VII: Ни смысл, ни бессмыслица	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Ди Рофф

Ни живые, ни мёртвые

Тот, кто обманывает землю, будет обманут землей.

– Китайская мудрость

Пролог

Смерть.

Ивет с самого детства смотрела в чёрные глазницы Смерти. Она, эта чёрная дама с косой, преследовала всюду: за углом бабушкиной комнаты, на потолке гостиной молодого человека, в песочнице для сыночка. Но не бесчувственные игрушки лежали там, а он сам. Мёртвый.

Смерть.

Ивет пыталась её остановить. Нет, она не считала это глупой затеей – знание о подлинном существовании потусторонних сил дарило чувство надежды. Смерть игралась с ней, проверяя на прочность, но кто сказал, что у Ивет не было собственной игры? И только она знала правила.

А Смерть – нет.

Ивет подожгла приют скрытно, глубокой тихой ночью. Даже если бы кто-то и заметил, как молоденькая светловолосая воспитательница кралась ночью, то никто ни в чём бы её не заподозрил. Слишком хорошая для всех, слишком добрая, отзывчивая, отдающая любовь каждому ребёнку – такой Ивет казалась со стороны.

Но в глубине души она темна, как беззвёздное небо этой ночью.

Боль прожигала раскалённой кочергой каждую клеточку сердца, которое молило о пощаде и в сон, и в обед, и даже в самый солнечный счастливый день. О Боже, как же больно! Как же больно! Прошло два года, а Ивет до сих пор ломилась от страданий, просыпалась от ночных кошмаров, видела призраков в дыму от каждой сожжённой ведьмы. Церкви, священники, воскресная служба, гробы, кладбище... Всё превратилось в один круговорот, из которого Ивет всё никак не могла найти выход.

Зачем, о Боже, зачем Ты так поступил с ней?

Ивет рвала на себе волосы, металась под вопли матери, кидалась на колени к портрету бабушки, криками взывала к Богу. Но нет, нет! Никто не откликнулся на отчаянный зов бедной овдовевшей девушки, ни одна добрая душа.

Зато пришли злые, тёмные.

Ивет верила в Него, но Он отвернулся. Оглох. Бросил на пролитые слёзы равнодушный взгляд и сравнивал с грязью могильной земли всех погибших. Как же она любила! Как же молила о возвращении, о воскрешении! Ведь она достойна лучшего, не так ли? Ведь никогда и никому девушка не причиняла зла – ангел во плоти, яркий образ мечты и доброты.

А что же осталось в итоге?

Разорвали. Осквернили. Облили чернилами. Посмешище и пугало.

Ивет отвернулась от Бога и теперь смотрела лишь во тьму.

Безумие танцами бесов заиграло в карих глазах, отражаясь в хаотичном огне, пожирающем старые половицы приюта. Языки пламени почти касались подола серого платья, но Ивет было без разницы. Ох, как она наслаждалась этим зрелищем! Дети кричали, вопили от ужаса, задыхались в дыму и падали лицом в свои горящие кровати. Они умирали, так же безжалостно и жестко, как и когда-то погиб её сын. Нет, Ивет не считала это мстью – скорее шахом для чёрного короля Смерти.

Доигралась, чёрная дама?

Ивет сбежала из родительского дома в приют, ещё веря в свой рассудок и доброту. Точнее, ещё не зная, что в ней не существовало больше ничего, кроме боли. Большой, многогранной, бесконечно глубокой, как морская впадина, боли. Каждый крик умирающего сейчас ребёнка отдавался у неё в груди собственным воплем горя. Так же она кричала, когда умер её сын...

А сейчас смеялась, захлёбываясь слезами.

Умрите, дети, умрите!

Ваши матери не узнают, как вы погибли. Вашем матерям плевать, кто вы такие, как жили, зачем рождались на свет. Ни одна женщина не будет оплакивать эту кровавую полыхающую ночь. Ни одна из них даже понятия не имеет, каково это – потерять всех. И саму себя тоже.

Ивет избавила детей от никчёмной жизни. Зачем эти осиротевшие детишки, если они никому не нужны? Девушка никогда не любила их, не видела в них ни смысла, ни пользы. Её якобы подружки-воспитательницы просто глупые, раз на что-то рассчитывали. О, как же жалобно они сейчас звали на помощь! Но никто не придет тушить, бросаться в оранжевые языки пламени, вытаскивать наглотавшихся дымом детей. В радиусе двух километров – ни одного поселения, ни единой благородной души. И никто не разгадает идеальный план убийства.

Крики, мольбы, стоны...

Смерть.

А Ивет, пошатываясь от собственных опьяняющих мыслей, брела по горящему коридору. Всё лицо в саже, улыбка кривая, взгляд – между полным сумасшествием и истерикой. Пока внезапно не заострила внимание на приоткрытой двери, где сидел пятилетний мальчик, не обращающий внимание на огонь. А тот даже не трогал сироту. Он стоял на коленях на горящем полу, собирая обломки единственной игрушки в виде ворона, простой, деревянной, сломанной кем-то из более старших хулиганов. Ивет поразило спокойствие мальчика и то необъяснимое чудо, что его не трогало жгучее пламя. Она застыла в дверях, отчего-то всё больше убеждаясь в том, что мальчик – её погибший сын. Она работала воспитательницей всего пару месяцев, но этого странного ребёнка ещё никогда здесь не видела...

Девушка внезапно с безумным блеском в глазах похватила кусочки игрушки и потащила мальчика за руку. Быстрее, быстрее на выход! Обгоревшая деревянная стена начала опасно трещать, и Ивет побежала со всех ног, не позволяя отставать бедному ребёнку. Дышать тяжело, очень жарко и душно, почти ничего не видно из-за пламени – они двигались наугад, надеясь, что выживут.

Ивет планировала тут и погибнуть... но она решила спасти сына – *а сына ли? или просто помутнение?* – отчего-то чувствуя, что именно он спасёт её от безумия и подарит ей любовь, власть и деньги.

Ибо так велели тёмные силы.

– Я готова растить тебя со всеми странностями.

I: Ни новые, ни старые

*Когда я просыпаюсь, мне приходится себя убеждать, что мои сны
не реальность, а моя реальность не сон.*

Сесилия Ахерн

«Тинг Моу не могут найти уже несколько дней.

В последний раз её заметили по камерам на прошлой неделе в пятницу и с тех пор её никто не видел. Говорят, она вышла за тортом для дня рождения своей подруги и так и не вернулась ни через час, ни к вечеру, ни через день. Полиция объявила поиски, но пока всё безуспешно. Не найдена ни одна улика, за которую можно было бы зацепиться. В общежитии, где жила Тинг, никто не сказал ничего полезного, как и её однокурсники. Дневник она не писала, вела исключительно хороший образ жизни, не имела никаких врагов или вредных привычек. Полиция просит всех волонтеров помочь с поисками, а также предупреждает, что лучше не выходить на улицу ночью и не ходить никуда с незнакомыми людьми. Говорят, что с появлением секты в Равенхилле появился и убийца...»

Я резко выключила телевизор, когда в помещение вошла Мэри, моя приёмная мать. Её бледное лицо выражало недовольство – значит, она слышала, как в моей комнате вещали последние новости, которые в нашем доме запрещено слушать. Почему? Понятия не имею. Просто одно дурацкое правило из многих.

– Что нового говорят?

Мэри кинула презрительный взгляд на старый телевизор, который до сих пор потрескивал от того, что его так редко включали.

– Моя однокурсница пропала, всё никак не могут её найти.

Я переживала за Тинг. Не скажу, что она была моей подругой, но я чувствовала в ней некую родственницу по крови: как и я, она долгое время жила в Китае, пока не переехала в Англию. По каким причинам я понятия не имела, да и не интересовалась. Не так много что я знала о Тинг: ни о её родителях, ни о личной жизни, ни о хобби и ни обо всём остальном. Мы часто находили в себе отдушину от непривычной страны и делились друг с другом воспоминаниями о родных краях, об азиатской культуре, о бурлящей жизни среди похожих на нас людей. Мы обе чувствовали себя здесь, в Равенхилле, чужими, слишком выбивающимися из общей массы приличных англичан. Какие-то... «не такие», как часто повторяла Мэри.

У многих из нас бывали такие знакомые люди, с которыми ты общался лишь на определённую тему, ведь ни в каких других, даже в лучших друзьях, ты такого найти не мог.

– Тебя допрашивали? – матушка на свой грозный вопрос получила от меня утвердительный кивок. – И ты мне ничего не сказала?

– Я и полиции ничего не сказала, потому что ничего не знаю, – честно ответила я, втыкая булавки в плюшевого ворона, которого я использовала в качестве игольницы.

Теперь не могу, когда меня прерывали на середине выкройки или шитья нового костюма. Уже собралась с мыслями, приготовилась, разогналась, а тут на тебе – матушка решила напомнить о себе и отвлечь от любимого дела. Я кинула взгляд на то, что пока получилось: чёрная атласная ткань, множество линий с пометками, аккуратные чертежи будущего викторианского платья с элементами ханьфу. Сочетание стилей – сложное дело, но не невозможное для меня. Я обожала шить – это моё призвание, дар, единственное счастье жизни. В шуршании тканей, бархатном прикосновении, переливе цветов, серой дорожке графита на выкройке – во всём этом я находила нечто близкое к своему чёрствому сердцу, обожаемое до каждой нитки и иголки.

Ах да, я любила собственные наряды больше, чем людей.

Мэри в нерешительности замерла посередине комнаты, осматривая её так, словно видела впервые. Но ничего интересного не нашла: ни на серых стенах, ни на пробковой доске, увешанной важными заметками, ни в книжных шкафах без единой пылинки, ни в аккуратно разложенных по пластиковым коробкам многочисленных тканях, ни в одежде, которой было слишком много, ни портновских манекенах. Будь моя воля, сделала бы это помещение куда более роскошным, ярким и красивым, но матушка пересекла любые мои идеи по этому поводу на корню. Даже нормально развесить все мои сшитые костюмы запретила, словно малочисленные гости, порой к нам заходящие, могли упасть в обморок от слишком экстравагантного вида.

Какая же чушь.

– Ох, нехорошо это, нехорошо, – уже беспорядочно бродила по комнате Мэри, словно незаметно хотела проверить, не спрятала ли я от неё чего-нибудь запретное. – Пошла сейчас такая молодёжь, которая везде ошивается, ничего не боится, огрызается. А потом пропадает...

– Потому что взрослые дяденьки хотят их изнасиловать или убить, – слишком жёстко ответила я, понимая, что заходила на опасную зону разговора. – Тут проблема не в молодёжи, а в общей безопасности.

Матушке тут же не понравился мой тон. Она резко остановилась, не сводя взгляд от моего лица.

– Тебе стоит поменьше смотреть телевизор.

Я раздражённо закатила глаза. Боже мой, почему это так тупо?!

– Это не он якобы плохо на меня влияет, это мои собственные суждения и выводы.

– А я с ними не согласна, – Мэри схватила пульт, лежащий рядом со мной на кровати, и настолько сильно его сжала, что тот треснул. – Что за поведение ты сегодня допускаешь, а? Что за тон, что за слова? Разве этому я тебя учила, а? – она кинула сломанный пульт на мой стол и зачем-то добавила: – А потом сбежишь из дома и тоже пропадёшь, как твоя однокурсница. Надо быть осторожнее. Ты помнишь об этом, сяо-Раби?

Вдох. Выдох.

Терпеть не могу, когда меня так называли.

Вдох. Выдох.

Я держала себя в руках, хотя с силой вцепилась накрашенными ногтями в ткань. Успокоиться, надо успокоиться. Не стоило тратить нервы на таких бестолковых людей, как моя приёмная мать. Будь она умнее или имела бы хоть капельку ко мне уважения, я бы её полюбила или приняла бы такой, какая она есть. Но Мэри лишь всё время докучала, мешала, накидывала на меня ярлыки, как верёвки на шею, и тянула. Постоянно, усердно тянула, дожидаясь, когда же я задохнусь.

А воздуха во мне оказалось много.

– Как тут забыть, когда ты говоришь эту фразу триста раз на дню, – проворчала я себе под нос и громче сказала: – Да, помню, матушка.

Мэри благосклонно улыбнулась, до сих пор неотрывно на меня смотря.

– Я надеюсь, ты так же помнишь и обо всех остальных правилах, да? Не сплетничать, не читать новости, не выходить ночью на улицу, никуда не ходить без разрешения. В Равенхилле всегда было опасно, а раз ты говоришь, что пропала девочка, значит, стало ещё опаснее.

Логично.

Интересно, клетку мозга ей прибавил недавний завтрак или просто сегодня ночью выпавший снег? Раздражение – именно это чувство усиливалось во мне каждую минуту, пока я находилась рядом с матушкой. Я не могла как-то иначе реагировать на её присутствие, хотя понимала, что она в какой-то степени хороший человек. Верна мужу, вкусно готовила национальные китайские блюда, вполне хорошо зарабатывала на работе вахтёршей, заботилась о бездомных животных. Мэри действительно была щедра и добра.

Вот только ко всем, кроме меня.

– Если так страшно жить тут, зачем мы вообще сюда переехали? – я безвольно опустила руки, с лёгкой грустью наблюдая за всеми своими костюмами.

– Ты должна получить самое лучшее образование, – жёстко отрезала женщина.

– А в Китае его разве нельзя получить?

Наши взгляды пересеклись в яростном сражении.

– Англия лучше для этого подойдёт!

Я была готова взвыть от глупости этих слов.

– Я понимаю, если бы это был Кембридж, но один единственный университет в таком захолустье, как Равенхилл? Что ты тут такого нашла?

Мэри первая потеряла над собой контроль. Она вплотную подошла к моей кровати и с силой вlepила мне пощёчину. Боль пронзила сразу, но я даже не пошатнулась, стойко сохранив и свой баланс, и своё душевное равновесие.

Пусть подавится моим равнодушием.

– Тебе не нравится? – закричала женщина. – Может, ты тогда и учиться не будешь? Прогуливать станешь? Сбежишь?!

Я хотела ударить её в ответ, но меня остановил голос приёмного отца:

– Что у вас тут вновь случилось?

Канг казался растерянным и рассерженным одновременно: по напряжённой позе и суженным глазам можно понять, что он увидел оставшийся красный след на моей щеке. Но по своей мягкой натуре он не мог и не хотел накричать, остановить нас силой или даже словами. В таких ситуациях, как эта, – а таких было немало – Канг всегда чувствовал себя беззащитным, ведь понимал, что меня и Мэри невозможно помирить. Если она начинала ко мне приставать, то это неизменно кончалось очередной ссорой, ведь я сама никогда к ней не лезла, но всегда отдавала отпор. Наверное, узнай они мой характер до удочерения, никогда бы в жизни меня не забрали.

– Я не могу жить без английской культуры, без родного запаха страны. – Мэри тут же уцепилась за мужа, словно утопающий за спасательный круг.

– Как же ты тогда вышла замуж за китайца? И жила в Китае несколько лет? – я продолжала её провоцировать, совершенно наплевав на её чувства.

Ведь на сто процентов знала, что задану.

Боль, сожаление, страх – хотелось увидеть на лице Мэри ещё больше жалости к себе, хотелось довести её до сломленности, полной потери себя. Порой я забывала о своей цели стать добрее и давилась ненавистью к людям. Та копошилась в мозгу червями, сгрызала сознание через внутреннюю пульсацию, отдающей болью под хрустальными рёбрами, давилась едким запахом панической атаки, пробирающий до самых костей. Ненависть, эта дама в грязно-сером, превращала кровь в ртуть, покрывала лёгкие известью и сжимала гортань под натиском костлявых рук безобразного бога.

О все семь грехов, от этого горячего чувства не лез в глотку даже хлеб насущный. И как же порой хотелось спастись от собственных дьявольских выродков, чьи голоса в голове оставляли за собой кровавое месиво.

– Это наша личная история, не нужно затрагивать границы, – Канг прижал к своему плечу плачущую жену и нежно поцеловал её в макушку.

Меня чуть не вывернуло наизнанку от этой картины.

– Зачем тогда постоянно затрагивать мои?

Мэри вырвалась из объятий мужа, но тот успел в последний момент схватить её за руку, чтобы она вновь не ударила меня.

– Какая ты неблагодарная, – бессвязно запричитала женщина с больным блеском в глазах, – какая ты глупая, какая ты заносчивая, какая ты непокорная, какая ты... *не такая*. Так было хорошо нам втроём, а ты...

– Родная, тебе пора отдохнуть... – Канг осторожно взял её уже за вторую руку, разворачивая к двери, – и принять таблетки.

Мэри, вдруг резко успокоившись, лишь бессмысленно шептала, пока они медленно выходили из моей комнаты.

– Как же всё не так, как же плохо...

Мэри постоянно всё повторяла. Слова, фразы, правила, случаи из жизни, проблемы, поступки. Она словно жила одним кругом, однообразными мыслями и неспособностью выбраться из собственноручно построенного цикла. Замкнулась, как электрическая цепь, но работала бесполезно, а порой и вредно – нет толка в её существовании. Мэри для меня была обычным человеком, который вызывал лишь нервирование. Порой она хотела надавить на жалость, силой оставить меня при себе, заставить любить и уважать. Но ничего из этого меня не волновало – просто сумасшедшая женщина, зачем-то забравшая меня из приюта.

А благодарность?

Ха, смешно.

Из одного ада в другой. Не вижу причин, за что можно сказать «спасибо», если меня постоянно губили теперь не физически, а морально. Еда, образование, деньги – это то, чего не было в приюте. Зато там я была морально свободна, особенно когда подросла. Здесь же меня всё время во всём упрекали и угнетали: не так сделала, поздно пришла, не купила еды, получила плохую оценку. Матушка каждый день выискивала, за что бы меня осудить, чтобы устроить разборки, заплакать и уйти пить таблетки.

Одно и то же. Осточертело выше крыши.

Неужели Мэри взяла меня из приюта просто для того, чтобы был объект всей вины? Или на удочерении настаивал её муж? Порой мне хотелось знать ответы на эти вопросы, а порой становилось плевать.

В приюте тоже не всё гладко было... из-за меня.

Я резко дёрнулась, когда в комнате послушался шорох.

Секунда. Две. Три.

Прислушалась.

Ничего. Точнее *никого*.

Слава Гуань Инь.

Это маленькое происшествие сподвигло меня начать собираться в университет. Выбрала наряд: чёрный пиджак с корсетом, подчёркивающим мою талию и грудь, классические брюки до колен, расшитые алыми драконами, поднимающимися до самых плеч, и длинные сапоги – они доходили ровно до того места, чтобы оставить полоску обнажённой кожи на ногах. Пусть не только грудь привлекает взгляды всех, но и нечто сокровенное. Подвела глаза чёрной тушью, слегка подкрасила губы красной помадой – красавица, даже несмотря на смугловатую кожу, которая сразу бросалась во внимание среди бледнолицых англичан. Воспоминания о Китае всё никак не давали мне покоя: жизнь там казалась куда счастливее, чем тут. Здесь, в Равенхилле, всё тусклое, замороженное, старое, зажатое в собственные оковы тайн. Там же, в Чэнду – модно, современно, ярко. Хотя бы красивая оболочка, и даже начинка не перчила. Там я ощущала себя... почти своей.

А здесь – чужая самой себе.

Одиноко? Пожалуй, что даже очень.

Ещё с того момента, когда я в пятилетнем возрасте попала в приют, я ощущала в себе глубочайшее одиночество. Будучи маленькой и начитанной девочкой, я решила назвать это своей хронической простудой души. Но температура не поднялась, а опустилась – одинокие люди, что доказано, на самом деле часто мёрзнут. Одиночество леденело у них изнутри, и не согреться ни одеялом, ни алкоголем, ни теплом чужого тела. Это своего рода вирус, потому что стоило только таким людям найти родную душу, как все болезни проходили в одночасье.

«Сильная любовь кого-то придаёт сил, а сильная любовь к кому-то придаёт смелости»

¹.

Равенхилл предстал передо мной во всей своей мрачной красе, когда я вышла из дома. Медленно падал снег, хрустящий под ногами от мороза, пасмурная погода отражалась в окнах, как и красные вывески пекарней, кафе и редких магазинов одежды. В большинстве своём были небольшие однотонные дома георгианского и викторианского стиля, но ближе к центру города встречались постройки выше и новее. Но это всё равно не спасало город от всеобщей древности и запущения: изношенный асфальт под кучами снега, потрескавшиеся черепицы, выцветшие рамы окон, согнутые будто от старости тёмные деревья, кирпичные книжные магазины, в которых продавались самые давнишние книги. И никаких новинок. За книжным миром приходилось следить лишь через интернет, даже возможности заказать что-либо в эту глухомань почти и не было. Не подари мне приёмные родители телефон на моё шестнадцатилетие, так и не узнала бы ни о Гарри Поттере, ни об истории человечества, и, не дай Ньюва, ни о мультивселенной.

Ещё в приюте я вычитала, что в квантовой физике есть весьма интересная теория, которая гласила, что смерти не существовало. Вот так просто, а правда ли – неизвестно. Можно лишь представить, что на меня, к примеру, направлен пистолет. Он либо выстрелит, либо нет – вероятность всего пятьдесят процентов. И согласно многомировой интерпретации Эверетта² после каждого выстрела вселенная расщепляется надвое: в одной вселенной я умираю, а во второй – остаюсь живой. Нечто похожее на кота Шрёдингера, но есть один нюанс: при всём этом я могу вспомнить эксперимент только в той вселенной, где выживаю, поскольку в другой просто перестаю существовать. А не значит ли это, что если верить теории, то все те существа, имеющие способность к самосознанию, бессмертны? Не значит ли это, что в какой-то вселенной уже умерла?

Мы ведь так мало знали о мультивселенной, но так рьяно пытались всё изучить. Нельзя с уверенностью сказать, что других миров нет, как и о русалках – океаны изучены всего на пять процентов...

– Равенна!

Я очнулась от мыслей лишь тогда, когда уже дошла до кабинета. Меня больше не окружали холодно-алые огни города или печально-серые коридоры университета. Пол в чёрную и белую клетку, как шахматная доска, пару книжных шкафов из хорошего дерева, несколько чьих-то портретов, длинный стол в виде парты, вдоль которого стояли красные стулья, полупрозрачные занавески, сквозь которые виден заснеженный Равенхилл, – убранство комнаты дорогое, красивое, тёмных оттенков, идеально начищенное. И так весь университет, а точнее замок, когда-то принадлежащий странному типу по имени Рэбэнус Донован. Я не так много что о нём знала, как местные жители, лишь слышала, что это был очень богатый и жестокий человек, который погиб в середине XIX века. И, кажется, кто-то верил, что он до сих пор ещё жив...

Ерунда какая.

– Чего тебе?

Я посмотрела в зелёные глаза Арни Леру, своего однокурсника, который преградил мне дорогу.

– Какой у тебя любимый цвет? – со слегка сумасшедшей улыбкой спросил он.

Я закатила глаза, уже уставшая от его выходок за предыдущий триместр первого курса нашего исторического направления.

¹ Цитата Лао-цзы.

² Интерпретация квантовой механики, которая предполагает существование, в некотором смысле, «параллельных вселенных», в каждой из которых действуют одни и те же законы природы и которым свойственны одни и те же мировые постоянные, но которые находятся в различных состояниях.

– Прекрати задавать глупые вопросы. Спроси что-нибудь логичное и взрослое.

Арни хитро усмехнулся.

– Сколько граммов гидроксида натрия необходимо взять, чтобы нейтрализовать десяти процентный раствор серной кислоты?

У меня чуть мозг не поехал от формулировки вопроса, поэтому быстро ответила:

– Мой любимый цвет – чёрный.

Арни не оценил ответ, поэтому решил всё ещё не пускать меня к общему столу, за которым сидела наша небольшая группа. Та состояла всего из восьми человек, включая меня. А когда-то было девять...

Пока не пропала Тинг.

– А я знаю ответ на эту задачу, – решил блеснуть своими знаниями Арни.

– Я счастлива за тебя, химик, – меня стало понемногу раздражать, что он всё никак не мог пустить меня дальше, отчего приходилось стоять чуть ли не на пороге.

– Но заметь, я никогда этим не хвастаюсь, – самодовольствие расплылось на его слегка вытянутом лице, когда парень отрицательно покачал указательным пальцем. – И вообще не хвастаюсь.

– Однажды ты назвал себя доказательством существования Бога.

Мы обернулись на спокойный женский голос, принадлежащий Анне Готье, – девушке, которую я вполне могу назвать своей подругой. Точнее *amie*, если говорить на французском. Этот язык я стала потихоньку учить благодаря Анне – та родилась во Франции и жила там больше пятнадцати лет, пока не переехала сюда. В город, который для чего-то хотел связать нас всех вместе...

Пожалуй, чтобы убить.

– А почему бы и нет? – рассмеялся Арни, наконец-то освобождая дорогу.

Первым делом я со всеми поздоровалась, получив несколько комплиментов по поводу своего наряда, но в особенности я поприветствовалась с Анной. Мы «поцеловались»: слегка коснулись сначала левой щеки, затем правой и снова левой – очень формально, аккуратно, стилизованно. Так, словно чужды друг для друга, как звёзды, и близки как никогда.

– Где ты пропадала, *ma petit oiseau*³? – спросила Анна, когда я села рядом с ней за стол.

– Заболела на несколько дней.

– А я думала, ты пропала, как Тинг...

Отчего-то меня вдруг пронзило током. Я вспомнила, как пару лет назад болела неделю, не появлялась в школе. И вспомнила, как ощущала себя самым одиноким и ненужным человеком, когда никто... абсолютно никто не написал мне самое простое «ты где?». Я общалась со многими, имела кучу знакомых и никогда не становилась изгоем. Более того, меня считали популярной красоткой, как, собственно, и сейчас. Тогда я лежала с высокой температурой в постели и, словно мне мало было того, что паршиво себя чувствовала, так ещё вдобавок в голове полный бардак и сотни вопросов: «Хоть кто-то заметил, что меня нет?» «Изменилось ли что-то без меня?..»

Нужна ли я хоть кому-то?

За то время, что я болела сейчас, мне тоже никто не написал. Правда, я почти и не заходила в социальные сети. Поэтому и не сочла вопрос Анны странным или глупым: я могла не появляться в социальных сетях сутками, не отвечать на сообщения ещё дольше. Возможно, нелюбовь к социальным сетям у меня привилась из-за тяжёлого детства в приюте, а ещё из-за навязывания Мэри. И в какой-то степени я ненавидела в себе эту черту, некую «доисторичность», если так можно было назвать. Ведь я действительно любила нечто новое, промышленное, современное, удобное. На этих принципах я шила свои костюмы.

³ Моя птичка (франц.)

Но с другой стороны, я не видела смысла столько сидеть в телефоне, сколько проводили там времени остальные сверстники. Группы, раскрутка, сообщения, даже популярность – я утону в этом, если начну как-то продвигать своё творчество. И конец любимому делу, ведь я тогда ничего не буду успевать. Те, кто знал меня, и без того делали много заказов, на что я неплохо зарабатывала. И этого пока достаточно. Быть может, в будущем я построю карьеру великого модельера, по типу Шанель, а сейчас... я пыталась не проиграть собственным демонам.

– Я тоже волнуюсь за Тинг, – я даже не дрогнула от неприятных воспоминаний сегодняшнего утра. – Видела сегодня новости про неё. Конечно, я ещё мало что знаю про этот город, но у меня нет ощущения, что здесь безопасно. Зато есть полная уверенность в том, что Тинг, возможно, и убили...

– Либо просто похитили, изнасиловали и кинули в лесу, – совершенно открыто сказал Арни, не думая о последствиях своих слов.

Он подсел с другой стороны от меня, отчего осталось рядом с ним ещё одно пустое место в самом конце. Пять мест слева и пять справа, а одно – в середине, для преподавателя.

– Diable, Арни, о таком не говорят вслух, – устало вздохнула Анна с сильным французским акцентом. – Особенно при тех, кому дорог человек, с которым произошло что-то ужасное. Тебе ли не знать, что люди всегда надеются на лучшее. Может, Тинг просто решила бежать из города.

– Без денег, паспорта и лишней одежды в столь морозные дни? – фыркнул парень, дёрнув головой, чтобы волнистые светло-каштановые волосы не закрывали глаза. – Охо-хо, не говори ерунды, милая моя мадемуазель. Я на девяносто девять процентов уверен, что её похитили и убили.

– Обожаю, как ты поддерживаешь своих друзей, – хмыкнула я.

– Обращайся, – хихикнул Арни.

Его позитив – как нелепая шутка на похоронах. Слишком безбашенный и эгоистичный – ему плевать на чувства других, на то, как мог ранить своими словами присутствующих. Своим невероятно высоким ростом и любовью к коричневому цвету он напоминал дерево, которое назойливо стучало ветками в окна и оставляло листья на балконе. Не чувствовать никаких неудобств, не заботиться о ближних, не заморачиваться насчёт общих страхов и стеснения – Арни говорил абсолютно всё, что взбредало в голову, и никогда в жизни не собирался себя контролировать. Поэтому, пожалуй, он и казался таким странным.

Правда, у него и без того беды с башкой.

Куда больше меня волновало состояние Анны. Та выглядела как и всегда сногшибательно: чёрное платье с воздушными кружевными рукавами; полупрозрачные колготки и берцы на каблуке. Идеально завитые каштановые волосы, длинные стрелки, хоть как-то отвлекающие внимание от мешков под серыми глазами, чёрные утончённые губы и пирсинг в носу – она выглядела как готическая дама из особняка, полного призраков и зловоний трупов. Брови, которые в расслабленном состоянии делали её лицо отчего-то злым, сейчас были слегка сдвинуты к переносице – у Анны болела голова. За время нашего общения я научилась улавливать каждое движение на её лице, чтобы угадать, в каком она настроении и состоянии.

Забота? Скорее шахматный расчёт, как попасть в доверие.

– С другой стороны, Арни в чём-то прав, – я кинула на него высокомерный взгляд. – Что первое приходит в голову, когда мы слышим новости о том, что кто-то бесследно исчез? Конечно, может прийти на ум что-то мистическое, но чаще всего другое – похитили, убили.

– И съели, – кровожадно добавил Арни.

– А то, что мы лелеем надежду на иной исход, лишь наши проблемы, – закончила я.

Анна с полуопущенными веками смотрела на меня.

– Полиция ищет пропавших, как и нашу Тинг, не только потому, что надеется их спасти – а такое бывало, что успевали спасать от рук маньяка, – но и потому, что хочет наказать преступника. Ведь тот может совершить преступление ещё раз и ещё. Ты ведь не хочешь, чтобы тебя тоже похитили?

Девушка одарила меня неоднозначным взглядом, на лице читалось с одной стороны полное равнодушие, но с другой – едва уловимое напряжение.

– Не надо желать мне плохого! Я слишком красивая, чтобы меня похищали, – я игриво расправила плечи, замечая как мужская часть нашей группы открыто уставилась на мою грудь.

– А потом что-то про мой эгоизм говоришь, – без обиды пихнул меня в бок Арни.

Меня подмывало спросить у Анны, а пошла бы она искать меня, если бы я внезапно пропала. Но понимала, что это не самый удачный вопрос: Анна не любила, когда перед ней ставили выбор и с трудом переносила темы, касающиеся личных взаимоотношений. Не разочаруешься в ответе – с одной стороны, но с другой – так и не узнаешь, что конкретно было у неё на уме. Вдруг она тайно меня ненавидела? И держала дружественную связь лишь для личных целей?

Паранойя.

Гуй бы её побрал.

Ненавижу, когда сомнения ставили все труды под опасность. Не только дружбу, но и мои собственные цели, старания, мечты. Как будто всё делаю зря, ничего не добьюсь, вновь останусь одна – никем не понятой, оставленной на мокрой обочине. Это как усердно идёшь вперёд, но из-за собственных мыслей или чьего-то случайно брошенного слова вдруг начинаешь загниваться – да так, что превращаешься в смерч. Правда, я старалась всеми силами ценить своё общение с Анной, ведь не ценила же, когда была Тинг...

– Ты... – я чуть облизнула губы, подбирая правильные слова, – хочешь найти Тинг?

– Нет, – совершенно ровно ответила Анна, медленно катая по столу ручку. – Если я с ней не общалась, зачем мне волноваться о ней? Человек не обязан по общественным мнениям переживать за тех, к кому равнодушен.

– Тогда зачем ты всё это начала?

– О, тут вопрос из чистой безопасности, – на лице подруги промелькнула слабая улыбка. – Как ты и сказала, в Равенхилле действительно небезопасно. И если преступник планирует и дальше кого-то похищать, то было бы интересно узнать, только ли девочек – ведь мы с тобой девочки – или по какому-то принципу: азиатская внешность, тихий образ жизни или интерес к Рэбэнусу Доновану.

От последнего я удивилась.

– Тинг изучала его историю?

– Ты общалась с ней больше нас и не знала об этом? – выгнул бровь Арни, который, оказывается, внимательно нас слушал, несмотря на то, что что-то усердно записывал в тетрадь.

– И ты знал?

Они что-то скрывали.

Это ощущение посетило внезапно, резко и со всего размаха. Нечто опасное, жестокое, кровавое – они таили тайны в себе, провожали до самых дальних уголков души, накрывали одеялом и укладывали в вечный сон. И, не дай Ньюва, их кто-то разбудит – не сыскать тогда ни покоя, ни радости, ни собственной жизни. Меж половиц сгоревшего дома – там я хранила свои собственные тайны, в своём выжженном поле сознания, где завывали не ветра, нет, а едкие мольбы призраков. У каждого были свои места похорон секретов – у кого-то в заброшенном здании, у кого-то на дне озера, а у кого-то – в чужом мёртвом теле. А вот их надёжность зависела уже от самого человека. Я лишь надеялась, что никто ничего не станет у меня спрашивать...

Не знаю, почему меня так взволновали ответы Арни и Анны. Конечно, мы знакомы всего полгода, я не могла знать их полностью, но меня не покидало чувство чего-то неправильного.

Словно не только эти двое хранили общий секрет, но и весь Равенхилл – что-то о Рэбэнусе, об этом тёмном загадочном мужчине, который то ли продал душу самому дьяволу, то ли сам стал им. Я бы считала подобные байки полным безумием, если бы и сама не знала о нечто потустороннем...

– Всем хорошего утра, дамы и господа, – в кабинет вдруг вошёл наш преподаватель, седой, но отлично сохранившийся мужчина шестидесяти лет. – Сегодня мы поговорим об интересных темах, но для начала хочу представить вам новенького.

Мистер Фиделибус – а именно так звали нашего преподавателя по мировой истории – махнул рукой в сторону двери, словно кого-то призывал к себе. И действительно уже через секунду в помещение зашёл беловолосый парень, лицо которого оказалось всё в шрамах. Ну и тип...

– Познакомьтесь, это Инграм Касс, – с улыбкой представил его Фиделибус.

Тот смирил нас недовольным взглядом, на секунду задержав его на мне. И на мгновение в груди всё перехватило... пока он не проговорил:

– Не рад вас видеть.

II: Ни красота, ни уродство

Они тратят время и силы, чтобы быть такими, как все, а я – на то, чтобы быть собой. Затраты одинаковые. Результат разный.
Мацуо Монро

Одиночество – плесень, поедающая душу. Ты словно «просрочен» от жизни, людей, радости. Срок годности давно истёк, а тебя всё никак не могут выкинуть. И ты всё ждёшь, когда же найдётся такой человек, который зайдёт в твой дом сердца, не испугается гнили и вычистит её...

Проблема лишь в том, что в какой-то момент ты привыкаешь к одиночеству. И настолько, что уже не можешь представить себе жизнь с людьми, с кем-то. Такое чувство появлялось в груди, словно все слёзы взяли и – пух! – превратились в наушники, сериалы, сигареты, сон... Ты считал, что действительно уже не хотел, чтобы кто-то был рядом, чтобы кто-то спрашивал тебя «как дела?» и обнимал сзади. Жаждал, лишь бы тебя наконец оставили наедине со своей фантазией, болью и тишиной в тёмной комнате среди тонны подушек. А на самом-то деле, ты лишь мечтал, чтобы оставили тебя в покое собственные мысли, а не люди. Ведь именно они съедали изнутри, когда проскальзывала эта грустная мысль «а что, если...» А за ней новые сомнения, горечь, слёзы...

Ты правда любил быть один или это просто стало привычно?

Я не могла ответить на этот вопрос. Я познала все грешные плоды одиночества: ни о ком не заботиться, никому не писать, не загоняться за счёт чужих слов, разговаривать со стенами, постепенно сходить с ума... и действительно порой я видела не то, что должна была увидеть. Порой в тёмных углах мерещится всякое... странное. И именно этим я оправдывала то, почему так держалась за Анну и Арни. Нет, они не настоящие друзья, они не те, кто стал бы спасать меня из глубокой ямы тьмы. Но я старалась проводить с ними как можно больше времени лишь потому, что только так можно скрасить одиночество. И, пожалуй, не пасть окончательно в безумие.

С другой стороны, мне действительно было одиноко. «Простуда души» – когда-то ею заразил дорогой мне человек. С ним я познала все краски жизни и любви, но после – постоянное отягощение в рёбрах, ведь осознание того, что никогда ничего больше не будет прежним, отравляло кровь. Не познакомься я с этим человеком, ни за что бы не узнала, что такое одиночество. Оно вроде бы и было во мне, а с другой стороны столько таблеток от неё я выпила, столько всего перепробовала – секс, наркотики, музыка, новые знакомства... Пришлось остановиться лишь тогда, когда мы переехали в Равенхилл.

А этот город, по-видимому, решил свести меня с ещё одним человеком. Инграм Касс. Тот, словно резко изменив своё настроение, подсел к Арни и дружно с ним поздоровался. Резко пронзило током: я вспомнила, что как только появилась в школе, в седьмом классе, никто из ребят не собирался принять меня в друзья, в компанию или хотя бы просто в любителя поиграть в шахматы. Да, через пару лет я завоевала популярность, особенно в старших классах, но поначалу я испытывала полное отчуждение от всех, полное... одиночество. Все знакомы друг с другом, у всех личные шутки и истории, а я... лишняя. Однако я дала себе время адаптироваться, привыкнуть, принять столь большое общество после приюта. А потом поразила всех своими костюмами и своей фигурой. И быстро получила и любовь, и уважение.

А Инграм... так легко справился с первой встречей.

– Ну что же, сегодня мы поговорим о культах в древней Греции... – начал занятие мистер Фиделибус, повернувшись к доске лицом и начав что-то активно на неё писать.

– Обычный тип какой-то, – сказал напротив меня сидящий Лиам, темнокожий футболист.

Отчасти я была с ним согласна. Инграм не казался со стороны странным или подозрительным: белые, со слабым оттенком серебристого, волнистые волосы, убранные назад; тёмные круги под чёрными глазами; ровные брови, тонкая полоска потрескавшихся губ, обычная одежда в виде тёмно-серой толстовки и чёрных джинсов. Он выглядел бы вполне красивым и даже привлекательным, если бы не столь страшные шрамы. Они бледными трещинами очерчивали его лоб, щёки, нос – всё лицо с резкими чертами. Это резко отталкивало, вгоняло в ступор. Вот Лиам – типичный парень, и каждый день мы привыкли видеть одинаковые обычные лица, как у него. Но порой встречались такие люди, которые отличались от всех. Альбинизм, ожоги, нечто другое – оно встречалось так редко, и не всегда являлось красивым. Однако Инграма не волновала собственная внешность: он держался непринуждённо, беззастенчиво, не боясь насмешек или пальцев.

Пока все подгонялись под одинаковые рамки красоты, Инграм чувствовал себя свободным. Самим собой.

И в этом мы были похожи. Конечно, ещё рано такое говорить, но отчего-то я чувствовала в нём внутреннюю независимость от всех. Это улавливалось в его движениях, взгляде и даже в единственной фразе, которую он сказал. Парень привлёк меня не странной внешностью, хотя это тоже играло свою роль, а нетипичностью. Почему не рад видеть? Откуда у него шрамы? Что за характер? Краем глаза я следила за новичком, что-то автоматически записывая в тетрадь, пока преподаватель вещал новую тему. Инграм неспешно писал чёрными чернилами – коряво, редко, больше блуждая взглядом по стенам с таким лицом, словно слышал эту лекцию уже множество раз. Ему явно было скучно и совершенно неинтересно поближе узнавать кого-либо из нас, из группы.

Я же не могла обойтись без анализа. Как только поступила в университет, сразу же обо всех всё узнала: кто мог стать потенциальным врагом или конкурентом, с кем можно подружиться или даже переспать, а кого иметь как человека на побегушках. Но самое главное – оценить свою группу. Чтобы никто не был лучше меня, чтобы все прислушивались к моему мнению и чтобы иметь рычаги давления. Почти никакого труда не составило узнать, что у Гленис, нашей святой отличницы, был богатый, но тупой парень, который встречался с ней чисто из-за того, что мог с неё списать. А Гленис, как одноклеточное существо, всем рассказывала, что встречалась с самым богатым парнем университета. Любовь липовая, история избитая – и никто не знал правду, кроме меня. Лиам попал в футбол лишь потому, что его мать, изменяя мужу, спала с тренером. Банальный спектакль – и лишь я знала истинные роли. И так с каждым из нашей группы и со многими студентами Донована. Все на цепи – а я жена Аида, ласкающая многоголового чербера. Никто не смел мне перечить, иначе секрет станет всеобщим достоянием и поводом для насмешек.

Но меня напрягало, что ничего подобного я не знала ни об Анне, ни об Арни. То ли они действительно невинные друзья, то ли использовали меня в каких-то целях. Не хотелось думать о втором варианте, зато интересно было знать: скрывал ли что-то Инграм?

– Люди отобраны, – внезапно заговорил Арни, наклонившись к своему соседу, в то время, как преподаватель во всю рассказывала новую тему по истории. – Можно начинать сегодня в полночь.

Он говорил шёпотом, поэтому мне пришлось прислушаться – если он и хранил тайны, то сейчас шанс что-то узнать.

– Всё в том же клубе? – Инграм вдруг уставился на преподавателя, будто бы не хотел, чтобы их заметили за разговором.

Я удивилась, что они были знакомы. И, судя по всему, давно.

– Да, – Арни кивнул, из-за чего волнистые волосы упали ему на лоб. – Пришлось потрудиться с мантиями, чтобы никто ни в чём не заподозрил. Заказал у разных швеёв, вчера всё привезли.

– А гроб?

Я чуть не уставилась на Инграма от изумления, но сохранила усердное выражение лица, продолжая что-то якобы писать в тетрадь.

– К вечеру доставят.

– Нужно провести всё тихо, – Инграм говорил жёстко, точно на что-то был зол. – Особенно сегодня, когда мы только соберёмся новым, проверенным и, главное, преданным Рэбэнусу составом. Из-за прошлых дураков нас теперь считают совсем опасными.

Мне ничего не стоило сложить два плюс два: они говорили о секте. И, возможно, были даже самыми главными из неё.

Вот так поворот.

– Тьфу на их, – почти в полный голос усмехнулся его сосед. – Чем же мы опасны? Мы куда выше всего стоим.

– Обряды проверил? – Арни кивнул на вопрос Инграма. – Заклятия? Кровь?

– Мы воззовём к мёртвым, к Рэбэнусу, – как безумец зашипел Арни. – А получится ли – увидим лишь через несколько собраний.

Инграм на несколько секунд тяжело задумался: чёткий профиль, убранные белые волосы, почти незаметная горбинка на носу, глубокие тени под глазами – как нетипичная скульптура Лисиппа⁴, живущая слишком долго, чтобы наслаждаться течением времени.

– Ты прав. Только тело...

– Равенна.

Голос Анны – как скрежет по металлу гильотины. Взгляд немигающий, недобрый, но смотрящий не на меня, нет. А на Инграма. И раз он вызвал столько эмоций у столь равнодушной девушки, то... он ей явно не понравился.

Или они тоже давно знакомы.

– Что? – я раздражённо посмотрела на подругу.

– Не обязательно писать «я самая красивая» десятки раз.

И действительно, когда я посмотрела на свою тетрадь, вся страница оказалась исписана витиеватым почерком, а некоторые слова налезли друг на друга. Ещё и ко всему по краям во многих местах нарисованы наброски платьев или китайские иероглифы.

– Просто задумалась, – я небрежно бросила ручку на стол.

– Или заслушалась? – Анна флегматично приподняла бровь.

– Да, преподавателя, – быстро нашлась я с ответом. – Он сегодня удивительно интересно рассказывает.

Она тут же раскусила мою ложь.

– Согласна, мне тоже не нравится.

Я прислушалась к парням, но те уже ни о чём не разговаривали. Ох, Гуань Инь! Моя жизнь только что могла наполниться чем-то новым и интересным – в последнее время она так скучна, что не оставалось сил на бестолковое течение судьбы. Учёба, случайный секс и хобби – замкнутый круг, как мышление у Мэри. Хотелось интриги, бурления, тайн! А секта, которая появилась недавно в Равенхилле, могла в этом помочь. Я не знала, как к ней подступить, не навлекая на себя внимание полиции, но тут рядом со мной сидело аж два представителя секты. Не это ли шанс? А меня отвлекли...

Гуй бы всех побрал.

⁴ Выдающийся древнегреческий скульптор второй половины IV в. до н. э., времени поздней классики и начала периода эллинизма. Придворный скульптор Александра Македонского.

– Чего ты хотела? – я не могла скрыть разочарования, что больше ни о чём не узнала. Ведь конец был весьма интригующий...

– Напиться, – Анна покрутила в руке невидимый бокал вина. – А сейчас, думаю, застрелиться.

И почему мои друзья такие придурковатые?

– А от меня что хотела? – спросила я, хотя желание девушки меня скорее позабавило, чем озадачило.

Она легко коснулась моих пальцев – на ощупь её полупрозрачные чёрные перчатки оказались слегка колючими.

– Компанию.

В душе я была согласна, но на деле мне надо многое ещё сделать. А с полученной информацией... что-то решить.

– Странные шутки у тебя, конечно, – заносчиво прокомментировала я.

Анна расслабленно пожала плечами.

– Жизнь такая, *soit plaiser, soit ne pas vivre*⁵.

– Твой чёрный юмор меня напрягает.

– Ты что, расистка?

– Кстати о расизме, – услышал последнее слово мистер Фиделибус, который уже давно заметил, что мы его не слушали. – Скажите нам, мисс Вэй, какую роль в истории сыграл расизм?

– Большую, – начала рассказывать я, подавив все воспоминания о том, как меня гнобили за цвет кожи. – И весьма отрицательную. Точнее, когда все государства только создавались, всё началось же с рабства. Темнокожие правители сами продавали своих рабов европейцем, чтобы получать как можно больше товара. Но с каждым годом чёрные становились всё больше и больше зависимы от белых – от этого развязалась война, а затем и расовое пренебрежение, стереотипы, ненависть. История человечества вряд ли могла пойти по другому ходу: из рабства вытек расизм, а из него вытекло то, что называют сейчас новым расизмом. А в него входит уже не только деление на цвет кожи и внешние признаки, но и даже характер человека, и многое другое. Хотя человек везде человек – что в Америке, что в Африке, что в Китае. Одинаковый. Просто мышление у всех разное, а порой слишком узкокобое и глупое. Но от этого никуда не деться, к сожалению.

– Благодарю вас, мисс Вэй, – преподаватель засиял от моего ответа и продолжил говорить на свою тему, пока не кончилось занятие.

Что-то не так.

Меня не покидало это ощущение. Нечто непривычное ощущалось в воздухе – тут, там, здесь. словно инородные частицы появились вместе с новеньким. Он принёс чужую атмосферу, опасную, загадочную – мне такая не нравилась, но притягивала чем-то своим, глубоко родным. Не так отреагировал на мой блестящий ответ преподаватель, не так смотрели на меня однокурсники, не так ощущался вкус превосходства над всеми – что-то изменилось, надтреснуло в одном месте и распространялось на другие. Либо я чего-то не знала, либо на всех так повлиял Инграм, что невозможно.

И я убедила себя в том, что просто всем непривычно от появления новенького и отсутствия Тинг.

Ох, Тинг...

Шёпот, слухи, надежды, осквернения – со всех сторон слышалось её имя, когда я вошла в столовую. Большое помещение, круглые деревянные столы с ножками в виде львов и с такими же стульями, мрачные картины с тяжёлым смыслом, тёмно-бежевые занавески в пол, отчасти

⁵ Либо шути, либо не живи (франц.)

закрывающие длинные окна, выходящие во двор с фонтаном – помещение выглядело шикарно, дорого и просторно. Пахло разнообразными блюдами, духами и активной жизнью студентов. Их училось в университете не так уж и много, чуть более тысячи, многие разных национальностей – от британцев до русских. Пожалуй, Мэри была права: здесь действительно престижно учиться – хорошая еда, лучшие преподаватели и просто шикарный замок. Будь я королевой, жила бы именно здесь.

Хотя зачем мне быть королевой? Я могла вполне стать и богиней.

С другой стороны, я не имела какой-то определённой цели на жизнь. Историческое направление, на котором я училась, интересное и хорошее, но практически бесполезное в жизни. Шить костюмы – куда более практично и прибыльно. Но отчего-то превращать это дело в широкий бизнес не хотелось – то ли боялась, что перестану питать любовь к экстравагантным нарядам, то ли страшилась провала, то ли... чувствовала, что судьба моя сложится как-то иначе.

А вот как – загадка.

Каждому человеку что-то уготовлено на его жизненный срок. Что-то совершить, сделать, ощутить или поменять. Нечто такое, чего до этого никто не делал. Даже если это маленькое и почти не заметное, но оно обязательно оригинальное, осязаемое для общей картины мира. Поэтому никто не жил зря – каждый выполнял свою роль. *Свою*, а не чужую.

Какая же досталась мне?

Я запуталась, как бескрылое насекомое в паучьей сети. Я словно ступала по гвоздям, старым пуговицам, человеческим костям, сухим веткам и вороньим перьям. Всё искала и искала тропинку под ногами, чёткую, ровную картинку перед глазами, но натыкалась лишь на непонятное месиво. И этот бесконечный поток мыслей разрывал меня осколочной гранатой...

Чтобы срочно отвлечься от них, я взяла суши, соус и острый салат, и оглянулась в поисках Анны, но та всё ещё не пришла из уборной. Чаще всего мы обедали вместе, иногда к нам присоединялся Арни или кто-нибудь из нашей группы, но сегодня я осталась пока одна. Зато – множество взглядов, обращённых на меня. Я выделялась среди всех: красотой, высоким ростом и необычной одеждой. С подносом в руках прошла мимо – дерзко, гордо, величественно. Раньше я боялась прикасаться к золоту – и не заметишь, как из-за мягкости металла потянешься сворачивать людям шеи. Но сейчас я абсолютно не боялась ощутить под руками власть, которая никогда не оставляла в душе место человечности.

Я нарочно толкнула студентку, отчего та пролила свой сок на кофточку. На её обиженный взгляд я лишь с усмешкой выдала:

– Надень что-нибудь посексуальнее, дорогуша.

– Вообще-то, некоторые думают, что самый сексуальный орган – это мозг, – чуть ли не от слёз скривилась девушка под всеобщим вниманием.

Я рассмеялась.

– К слову, ещё никто не предлагал мне выпить из-за того, мой мозг выглядывал из кофточки.

И под громкий смех присутствующих я повернулась на каблуках, с хорошим настроением приблизившись к своему столику. Конечно, никто не смел его занять: возле окна, чтобы всех было прекрасно видно со стороны, прямо под картиной королевы Англии. Пожалуй, только люди царской крови должны вкушать еду под пристальным взглядом ещё молодой Елизаветы II.

– Интересно на меня было смотреть всё занятие? – кто-то прошептал мне в ухо.

На мгновение я вздрогнула, но Инграм это заметил. С лёгкой ухмылкой на губах он сел напротив меня, поставив перед собой поднос с одной лишь маковой булочкой. Наконец-то я увидела его лицо не в профиль, а полностью: притягательное и одновременно отталкивающее,

словно огонь – хотелось прикоснуться, но знала, что обожгусь. Как можно было сочетать в себе столь и прекрасное, и ужасное? Как картина Боттичелли с кругами Ада.

Уверена, нам там всем самое место.

– Никогда не видела столь соблазняющее уродство, – я быстро перевела взгляд на еду, когда до меня дошёл смысл его вопроса.

Инграм с наглой улыбкой откинулся на спинку стула.

– Не беспокойся, птенчик, тебе не достанусь.

Это игра, в которой нужно выиграть.

– Унизь своё самолюбие и себя самого, болван. Ты мне не нужен.

Но парень ничуть не растерялся, что меня слегка сбивало с толку: отчего-то я думала, что он не так будет себя вести. Точнее... что у него иной характер.

– Тогда вопрос тот же: зачем ты смотрела на меня всю пару?

В этот раз я уже чуть подумала и скопировала его дерзкий тон голоса.

– Не каждый день встречаешь того, кто совершенно не рад никого видеть.

– Люблю интриговать, – Инграм без особого интереса к еде надкусил свою булочку.

– Арни научил?

– Думаешь, моих собственных мозгов на это не хватит?

– Ну, не хватило же.

Инграм лживо-весело улыбнулся во все зубы, точно готовился к такому повороту разговора с самого начала.

– Ты шутишь про меня, но настоящую шутку сыграла с тобой жизнь.

– Хочешь огорчу? – я вошла в азарт. – Шутка постучалась, но не вошла.

– Как и в сексе?

– А ты хочешь попробовать? – совершенно без стеснения спросила я.

– Я думал, ты будешь умнее, – цинично сказал Инграм, слегка поморщившись в лице и стряхивая с губ крошки мака. – А не мечтаешь только о сексе.

– Ты думал обо мне всё занятие? – применила я его ход, но он вновь обыграл меня:

– А ты смотрела на меня.

Провокация.

Отчего-то до меня дошло только сейчас. Он не игрался со мной, нет. А провоцировал. И поступил очень хитро: замаскировал всё под игру, флиртовал, а в итоге хотел лишь обвести вокруг пальца и вывести на эмоции. Не скажу, что я скупа на них, особенно когда в очередной раз ссорилась с Мэри, но жажда контролировать любую ситуацию невольно затрагивала и постоянное слежение за своими чувствами. Но чего Инграм ожидал в ответ? Злость, пощёчину или обиду? А может, какую-нибудь тайну? С другой стороны, мне было плевать, на что он рассчитывал. Мне важно было либо узнать что-то новое о его... необычных ночных занятиях.

– Заметь, сейчас все тоже на тебя смотрят. И не потому, что ты внешне такой урод. А потому, что с тобой сижу я.

Улыбка с лица Инграма медленно сползла. Я бы порадовалась, что наконец-то уделала новенького, вот только тот с хищным оскалом наклонился ко мне, чёрными глазами прожигая мои синие.

– Слушай сюда, птенчик. Если ты собиралась меня этим напугать, то ты ещё глупее, чем я считал. Мне плевать на твою власть и даже популярность среди этих никчёмных студентов. Мне, собственно, плевать на всех и вся, но в особенности на таких выскочек, как ты. Считай, это я с тобой сижу, разговариваю и уделяю своё драгоценное время.

– Которое ты также уделяешь и на секту.

Я понимала, что сама себя выдала. Определённо Инграм сразу догадается, что я подслушала его разговор с Арни и что не зря смотрела в их сторону почти всё занятие. Да, непри-

ятно вышло, но с другой стороны, так я могла поймать Инграма на крючок, и заодно получить ответы.

Однако тот даже не изменился в лице, отнимая у меня поводья контроля.

– И не только. – Парень уже съел почти половину выпечки. – Знаешь, Рэбэнус Донован был самым гениальным человеком на свете. Ещё в школьные годы он развлекал публику различными фокусами. Но когда людям это надоело и не перестало вызывать больше никакого восхищения, он нашёл *настоящую* магию. И после этого вкушал лишь страх и уважение.

– И где же он нашёл эту магию? – я даже не пыталась скрыть скептицизм в голосе.

Взгляд Инграма потемнел, отчего глаза слились с тёмным мешками и превратились в длинные тени жуткого клоуна.

– Для непосвящённых тайны не разглашаются.

Я презрительно фыркнула, откинув чёрные волосы назад.

– Ты просто не знаешь.

– Ты просто не веришь.

– Да, не верю, – я показательно скрестила руки на груди. – Я знаю лишь, что Рэбэнус славился несметными богатствами, инновационными идеями и соблазнительной красотой. Знаю, что иногда он помогал людям и даже вылечивал от смертельных болезней. – Инграм многозначительно на меня посмотрел, на что я лишь отрицательно качнула головой. – Но нет, я не считаю, что это магия. Тут три варианта: либо это ложь, либо болезни преувеличены, либо Рэбэнус был умным человеком и изобрёл а-ля новые лекарства по тем-то временам.

Инграм с долей любопытства слушал мои теории: об этом говорили слегка приподнятая бровь и палец с перстнем ворона, мерно отстукивающий ритм по столу.

– Отчего же его тогда считают злодеем?

– Разочарованные любовницы? – не нашла я подвоха в его вопросе. – Кому-то не угодил, убил случайно, не спас? Причин масса. Да и тем более разве секта поклоняется хорошим людям?

– А что мы сделали плохого? – чуть поддался вперёд Инграм.

– На вас повесили похищение.

«Повесили» – ещё сильно сказано. В новостях, которые я слышала сегодня утром, о секте сказали лишь мельком. Однако у многих людей был заложен стереотип, что сектанты всегда плохие. Ведь что они делали? Правильно, приносили жертву, убивали, проводили обряды, оставляли после себя хаос, кости и страх. Меня, собственно, не волновало их зло, как и зло во всём мире, – это естественно – но Инграм и Арни сами сегодня говорили об обрядах, крови и даже гробе. Что они собирались сделать – пока для меня неясно. Но точно нечто такое, что связано с Рэбэнусом.

А это любопытно узнать.

– Ты о Тинг, место которой я занял?

Если Инграм и хотел меня этим задеть, то не прокатило.

– А догадаться самостоятельно тебе мешает идиотизм?

Однако на мой сарказм парню было совершенно наплевать. Он чему-то коротко посмеялся, встряхнув головой, и встал из-за стола. Его злобный взгляд пронзил меня насквозь.

– Ох, птенчик. Если ты ничего не знаешь, то не стоит лезть в места, где тебя могут сожрать живо. То ли страхи, то ли взаправду. Берегись вестей от ворона.

И ушёл, оставив меня в полном смятении.

III: Ни радость, ни грусть

Грусть достаточна сама по себе, но чтобы получить от нее настоящее удовольствие, нужно поделиться ею с другими.

Марк Твен

– Ты сегодня какая-то грустная. Что-то случилось?

Серое пальто, чёрный берет на голове и такого же цвета шарф, длиной достающий до подола платья, – мрачно и изысканно, в стиле Анны. Ничто не говорило о её настроении – ни неспешная походка, ни пустое выражение лица, ни оттопыренный мизинец при держании серебристого мундштука. И я бы не задала этот вопрос, зная, что подобные Анна не любила, но она сегодня оказалась слишком молчаливой. И ещё у неё покраснели глаза и чуть неаккуратно вновь нанесена тушь. Я не была уверена, что Анна плакала, ведь для меня она была тем человеком, который ни к чему не привязан: ни к людям, ни к чувствам, ни к самой жизни. Её ничего не волновало, она никогда не готовилась к экзаменам, не заступалась, не держала зла или обиды. Ей ни к чему знать, что о ней думали другие, даже я, ни к чему лезть в чужие жизни. Девушка плыла по собственному течению, словно по реке Хэйлунцзян⁶.

Я также не была уверена, что Анна грустная. Просто что-то неумолимо поменялось в её настроении – а быть может, это всего лишь моя паранойя. И мне не было интересно узнать, что с ней случилось: скорее, я просто проверяла, насколько хорошо научилась читать людей и улавливать их незаметные изменения прежде, чем это заметят все или обернётся чем-то плохим для меня. И я не любила молчание, когда курила, а именно это я сейчас и делала: закончив учиться и выйдя на небольшую площадь университета, мы остановились возле фонтана и закурили.

– Знаешь... – Анна с самым непроницаемым лицом заканчивала курить первую сигарету, – если человек умирал и по нему никто не скучал, то этот траур достаётся случайному человеку, отчего тот без причины грустит. Ты спросила меня, почему я грустная. Но вместо ответа «я не знаю», я посмотрю тебе прямо в глаза, – что она и сделала, – и скажу прямо в лицо: «Я была назначена оплакивать смерть незнакомца».

Я уставилась на неё в лёгком восхищении.

– Это очень круто.

– А тебе становится грустно? – Анна отвернулась от меня, чтобы достать пачку и вновь закурить. – Ты ведь для этого меня спросила.

Пепла на кончике сигареты становилось всё больше. Дым, ветерок, мягкое падение снежинок – я посмотрела вверх, словно сквозь серые облака могла увидеть звёзды.

– Когда мне становится грустно, когда отчаяние захватывает душу, когда даже хочется умереть... я вспоминаю о вселенной. Именно, что вспоминаю, ведь большинство людей порой просто забывают о существовании звёзд, ведь так редко смотрят вверх, а не вниз, себе под ноги или в телефон.

Люди, люди, люди...

Они выходили из большого величественного замка чёрного цвета. Острые шпили рассекали туманный воздух, влажные кирпичи излучали гнетущую атмосферу, старые окна безжизненно наблюдали за студентами, многие из которых действительно не видели мира вокруг – лишь в телефоне. Я не осуждала их, просто не понимала, что можно так долго делать в мобильнике, почему люди так зависимо в них сидели. Едешь в метро – и почти каждого освещал синий

⁶ По-другому река Амур.

свет экрана. А как же предаваться мыслям? Как же продумывать до мелочей своё творчество? Когда я жила в Чэнду, то могла днями напролёт думать о нарядах, строить в воображении эскизы, вырисовывать каждую деталь, и порой задумываться о космосе...

– А ведь вселенная большая. Настолько большая, что человеческому мозгу просто трудно представить многомиллиардные масштабы. И мы в ней – всего лишь микробы. В прямом смысле этого слова. Мы настолько малы, что наши проблемы, слова, обиды – ничто, по сравнению с тем, насколько велика и сложна вселенная. Пожалуй, что если кто-то и существует в ней помимо нас, он может просто и не знать о нашем существовании из-за слишком гигантского расстояния. Мы тоже видим не так далеко, да и тем более – лишь прошлое. Если кто-то посмотрит на нашу планету сейчас, увидит лишь динозавров...

Корка льда заливала серебром на дне фонтана. Тонкие ветки чёрных деревьев присыпаны белоснежным порошком снега. Небо угрюмое, почерневшее от приближающегося вечера, лица – бледные, тусклые, без единой улыбки. Жители Равенхилла в размеренном темпе шли по узким улицам, огибали ветхие дома, шурились от ярких красных вывесок магазинов. Жизнь текла медленно, тихо, глубоко, но с едва уловимым ощущением напряжения и опасности.

Такое впечатление, словно время тут застыло из-за древнего проклятия...

– А мы ведь люди. Такие важные, дерзкие, смелые. И глупые. Мы мелочимся, обижаемся по пустякам и умираем в секундный срок для целой вселенной. А ей плевать на нас и наши проблемы. И нам ведь тоже всё равно на неё. Вот так и живём в равнодушии. От этого, пожалуй, и грустно.

Серые глаза изучали меня вдумчиво, почти с опаской. Вряд ли её внимание привлекло моё необычное пальто: сверху чёрное, белой краской разукрашенное месяцами и звёздами, а низ – жёлтый со специальными чёрными подтёками. И по краям пришиты золотые цепи – блестяще и привлекательно среди ахроматических цветов города, чужой одежды, самой жизни. Анна смотрела на меня так, словно в каких-то словах услышала свои мысли и переживания. Конечно, наверняка где-то под толстой стеной льда и безэмоциональности скрывались её настоящие чувства – если они, разумеется, уже давно не погибли. Кто знал, какое у этой девушки было прошлое...

– С другой стороны, это действительно трудно – рассказать кому-то, почему ты грустишь без причины, – Анна глубоко затянулась и тонкой струйкой выпустила из лёгких дым. – Мой ответ, конечно, хороший, но совершенно не олицетворяет, что у меня на душе – хотя у меня её нет. Это трудно объяснить людям – да и друзьям, и близким тоже – что у тебя просто присутствует эта необъяснимая тяжесть в груди, что иногда случаются панические атаки. Насколько это трудно – понять самого себя и ощущать, будто весь мир рухнул на твои плечи. А ты даже не имеешь ни малейшего представления, почему и за что.

Изумление – скрыто, но так ощутимо в моей грудной клетке. Я не показала ни единой лишней эмоции на лице, но была приятно удивлена столь открытым и, пожалуй, сокровенным ответом Анны. Редко нам с ней удавалось поговорить по душам: чаще всего она не понимала моих сомнений или раздумий о мультивселенной, не разделяла мыслей о жестокости человечества, не любила болтать о моде. Чаще – разговоры о сигаретах, о родителях или об очередном клубе. Чаще – мои монологи, остававшиеся без ответа. Но сегодня Анна ответила. И я совершенно не ожидала, что она когда-то испытывала такие же чувства, что и я сама.

– Да, и вправду трудно, – я кинула бычок на заснеженную землю и придавила каблуком. На секунду я задумалась, стоит ли задавать следующий вопрос, но решила рискнуть. – Тебя тоже никто не понимает?

– С другой стороны, плевать, понимают ли меня остальные, – Анна осторожно стряхнула пепел. – Не на людей ориентируюсь. А на себя.

На секунду я согласилась, пока у меня не возникли, как и всегда, сомнения:

– Но ведь из-за общества как раз-таки и возникает множество проблем...

– У меня их нет, – спокойно перебила девушка, хотя от её взгляда, казалось, стало на пару градусов ниже. – А какие есть у тебя, меня не интересует.

Ах, да, точно.

Именно из-за этого мы не могли стать настоящими подругами. Теми, кто хихикал над глупыми шутками, сплетничал о бывших своих парней или просто весело и откровенно проводил время вместе. С другой стороны, мне и не нужна была такая дружба – я была слишком выше этого. Но меня огорчало, что мы с Анной всё никак не могли стать друг к другу ближе. Мы держали дистанцию – или просто сковывали себя лживыми цепями. Боялись раскрыться, ведь не раз вкушали плод предательства и горечи. Не доверяли друг другу, ожидая друг от друга подвоха и выстрела в голову.

Хотя просто не стоило хранить столько отвратительных секретов. Тогда бы и жизнь стала легче.

– Кто не рискует, тот пьёт водку на поминках того, кто рисковал!

Арни вышел из распахнутых дверей университета походкой нетрезвого аристократа: с флягой спиртного в одной руке, а в другой – вельветовые перчатки. После выкрикнутой фразы он о чём-то оживлённо продолжал говорить со своим напарником, одетым во всё чёрное, – по белой макушке кудрей я узнала Инграма. Тот иногда вставлял пару фраз, но по большей части слушал монолог своего друга. Да, я не сомневалась, что они давнишние друзья. И тут дело даже не в том, что они вместе управляли сектой, нет. То, как вёл себя Инграм с Арни, разительно отличалось от поведения с другими людьми и тем более со мной.

Тревожность – вот что до сих пор на кончиках пальцев покалывало после разговора с новеньким. Смутно тяжелела в груди, неясным туманом осела в лёгких вместо сигаретного дыма. Ответов не получила, но выдала себя по полной, и это раздражало. С другой стороны, можно теперь не стараться скрываться, ведь я собиралась разузнать о секте и Рэбэнусе как можно больше информации. Каким-то шестым чувством я знала: где-то здесь крылась тайна моей чуждости от всех. Моя тёмная судьба.

– Арни стоило бы меньше болтать и пить, – Анна абсолютно без тёплых чувств отозвалась о друге.

– По мне, это две его неотъемлемые части, – я усмехнулась, вспомнив утреннее представление парня. – Без них Арни был бы не Арни.

– А с ними у него слишком мало мозгов.

– А, ну ещё химия, конечно, – вспомнила я.

– Вот и сидел бы в своей лаборатории вместе с этим, – Анна кинула недовольный взгляд уходящей паре.

Я так резко повернула голову в сторону девушки, что мои чёрные волосы упали на плечи.

– Чем тебе так не понравился Инграм?

Если Анна и собиралась мне отвечать, то она всё равно бы не успела: рёв мотора раздался совсем близко, а затем и чёрная машина появилась из-за угла. Скользя шинами по снегу, она остановилась возле нас, и из её двери вальяжно вышел Вильгельм Готье – старший брат Анны. Высокий, широкоплечий, сильный – он выглядел не как студент предпоследнего курса университета, а как молодой джентльмен XIX века. И во многом об этом говорил стиль его одежды: белая рубашка, чёрные брюки, тёмно-бордовый фрак и почти такого же цвета шейный платок. Цилиндр Вильгельм оставил в машине, поэтому рыже-каштановые волосы длинными локонами спокойно развевались на слабом ветру.

– Bonjour, Mesdames⁷.

Вильгельм сначала поприветствовал свою сестру, невесомо коснувшись губами её щеки, а затем аккуратно поцеловал меня в руку, затянутую в кожаную перчатку. Его движения – лако-

⁷ Добрый день, дамы (франц.)

ничные, правильные, словно отточенные за множество лет до совершенства. И сам он пытался быть во всём идеальным: красиво говорить, блистать дорогими вещами, уважать каждого собеседника, учиться на высшие баллы. Я знала его не так долго, но именно таким Вильгельм мне и казался со стороны – строгим, собранным, рассудительным. Правда, как и его сестра, не сильно привязанным к чувствам, но зато более им подвластным. С Вильгельмом я чувствовала себя более расслабленно, не надо было постоянно следить за своими словами и улавливать каждую проскользнувшую эмоцию на чужом лице. Да и другой пол меня привлекал куда больше.

Вильгельм достал пачку, открыл её и долго-долго на неё смотрел, словно увидел что-то неправильное, не поддающееся логике. А затем бросил её в ближайшую урну.

– У вас не найдётся, дамы, сигаретки? – вежливо попросил парень, смотря на нас со слегка сбитым с толку взглядом.

Я протянула ему раскрытую пачку Marlboro – мы курили одинаковые сигареты, в отличие от Gitanes Анны. Вильгельм вынул одну, похлопал себя по карманам, а затем тяжело вздохнул.

– А зажигалки?

Протянула ему и зажигалку. А он, видимо, желая как-то избавиться от внутренней неприязни к себе, со слабой улыбкой в шутку сказал:

– А ещё, наверное, и жвачка есть?

Достала из сумочки Black Jack и поддела:

– А я ведь фея... а ты так глупо все свои три желания потратил!

Вильгельм на несколько секунд разошёлся глубоким, хриплым смехом, пока резко не замолчал, словно актёр, всегда контролирующий свою маску лица. Отказавшись от жвачки, он с наслаждением закурил, на некоторое время задержав взгляд на горизонте: парили вороны, что-то выискивая глазами-бусинками на снегу, бесшумно разговаривали ветви с небом, наполнили запахом гари дымовые трубы, летали по асфальту бумажки с лицом пропавшей Тинг...

– Если бы у меня было три желания, – Вильгельм заговорил вовремя, иначе бы я вновь окунулась в холодные воды воспоминаний о Тинг, – то это было бы гигантское количество денег, нормальное психологическое здоровье и... нескончаемая еда и ресурсы во всём мире.

– А что это ты к концу решил стать благородным? – отчего-то мне так и хотелось его задеть.

– Зачем мне много денег, если через пару десятков лет я буду есть искусственную еду и не руководить крупной нефтедобывающей компанией? – Вильгельм просмотрел на меня как на глупую.

– Ты просто ещё не придумал, какое будет твоё третье желание, – раскусила его Анна.

– Тебе бы точно подошло второе, – зная свою сестру лучше, чем я, высказал молодой человек.

– Но я бы его не загадала.

– А что же ты тогда пожелала бы?

Опасный вопрос.

Я знала это, ведь поставила её перед выбором, однако всё равно спросила. По какой причине? Ведает Гуань Инь, я не нашла узнать подругу лучше, чем через её желания. А мечта очень многое могла рассказать о человеке: детство, внутренний стержень, привязанность, больные места. Даже представить не могу, о чём могла бы мечтать Анна. Разве что не умереть из-за курения, хотя я не была уверена в том, что она не хотела покончить с жизнью.

Что я вообще о ней знала?

– Не вижу смысла над этим думать, если такой возможности никогда не представится, – в своём безраздостном духе пожала плечами Анна. – Поехали.

Если бы она ничего не сказала и просто молча пошла бы к машине, я бы решила, что она закрыла эту тему из-за своей недосказанности и риска выдать секреты. Но она призвала брата

к действию – и непонятно было, то ли девушка просто замёрзла, то ли действительно сказала правду, то ли мечтала о чём-то таком, что никто и никогда не поймёт другой.

Не знаю, в какой момент зародилась привычка сомневаться в словах Анны, искать в них скрытый смысл, двойное дно. Может, ничего и не было – ни в ней, ни в её мыслях, ни в её равнодушии. Может, эту игру я завела одна, и никто больше в ней не участвовал, лишь моя паранойя.

Гуй бы её побрал. Да и меня заодно тоже.

– Тебя подвезти?

Вильгельм заметил, как я в задумчивости застыла на месте. Мы с ним так и познакомились когда-то: не Анна нас представила друг другу, а мои вечные размышления. Я тогда застыла посреди дороги, почти дойдя до университета, но остановилась из-за навязчивых мыслей о мультивселенной. Даже что-то странное я уловила в пролетающих мимо воронов, пока резкий гудок не вернул меня в реальность. Оказалось, что я застыла на парковочном месте, где постоянно оставлял свою машину Вильгельм. С тех пор он очень любил меня отвлекать от мыслей.

Хоть какое-то избавление от них.

– Я договорилась встретиться с Джейсоном, – я бы скривила душой, если бы сказала, что ждала этой встречи. – *Alors au revoir!*⁸

Вильгельм чуть улыбнулся моему неопрятному французскому, тоже попрощался и включил мотор. Я проследила за уезжающей машиной, пока она не скрылась в далёком перекрёстке. И задумалась бы о чём-то вновь, если бы в спину вдруг не прилетел чей-то снежок.

– Джейсон, сукин сын! Сколько раз я тебе говорила не кидать в меня снег?

– Не беспокойся, ни одна снежинка не испортит твоей красоты.

Джейсон во всей красе предстал передо мной: каштановые прямые волосы, закрывающие лоб, неровный нос, тонкие губы, слегка худощавый и не намного выше меня. Он бы мне понравился, если бы не брекеты и столь обычный стиль одежды: свитера и спортивные куртки. Так каждый второй одевался, что меня безумно раздражало в парнях. Почему девушки должны были ухаживать за собой и одеваться во что-то красивое, а парни могли выйти в чём угодно и как угодно? Несправедливо!

– Тебе надо больше тренироваться в комплиментах, – не одобрила я его флирт.

Джейсон, скривив лицо, передразнил меня, смешно покачав головой, а затем как бы невзначай добавил:

– Слышал, ты сегодня опозорила дочь одного из преподавателей.

– Правда? – не удивлена, что эта новость разлетелась на весь университет. – Да и пофиг как-то.

– А потом ты что-то говоришь про мои плохие комплименты, – Джейсон играючи возмущался. – Тебе самой доброте учиться и учиться!

Я совсем забыла.

За сегодняшний день я почти ни разу не остановила себя, не опомнилась, не обернулась к лику добра. Я ведь могла и не обижать девушку в столовой, могла бы спокойно пройти мимо, но... собственная тёмная сторона взяла надо мной верх – незаметно, быстро, даже не дав опомниться. Я действовала естественно, так, как велела моя природа – коварная, мстительная, злобная. Будь моя воля, всегда бы оставалась такой. Только вот... *я обещала стать лучше.*

– С другой стороны, это ведь тоже не очень хорошо, – я резко поникла, хорошее настроение ушло мгновенно. – Уже много времени прошло, а я всё никак не могу сдвинуться с мёртвой точки и осознанно подойти к делу. Постоянно что-то мешает.

Я пнула заледенелый снежок, который попался под ноги. Мы шли, куда глаза глядят, гуляли по городу, не обращая ни на кого вокруг. Словно лучшие друзья, словно пара... Хотя

⁸ Тогда до свидания (франц.)

на самом деле, Джейсон для меня был просто тем человеком или даже на подобие психотерапевтом, с которым хорошо поболтать по душам. И переспать, конечно.

– Не беспокойся, Равенна. – Джейсон был похож на какого-то аниме персонажа, который вечно улыбался. – Ты всё сможешь только тогда, когда действительно этого захочешь. Ты ведь когда-то только начинала шить, только училась мастерству. Ты ведь не бросала это дело из-за неудач или нетерпения? Нет. Ты упорно шла вперёд, придумывала нечто новое, совершенствовалась. Ты постоянно училась, каждый день. Вот и здесь нужно так же, маленькими шажками двигаться к светлой стороне.

– Думаешь, она всё-таки есть во мне? – я усмехнулась с горем пополам.

– Ни секунды не сомневаюсь, – а в следующий миг парень уже задумался: – Ты хочешь стать добрее из-за обещания или всё же из-за собственного желания?

Он не знал подробностей обещания, кому я дала его, зачем, почему. Даже если бы он этим и интересовался, я бы всё равно ничего не рассказала. Это не имело почти никакого отношения к тому, что мне *нужно стать добрее*. Никто не знал о моём прошлом и не догадывался, какие ужасные поступки я совершала тогда. И я бы сама хотела бы всё забыть, исправиться и больше никогда не возвращаться на *ту сторону*.

– Точно не знаю, – я заставила себя ничего, а точнее *никого* не вспоминать. – С одной стороны, я действительно хотела бы стать добрее. Я смотрю на этих светлых людей и завидую тому, как их любят, как отзываются о них, как искренне благодарят. Я бы хотела... нет, не стать такой, как они. А обрести нечто такое похожее – нечто, что будет согревать в груди даже в самые тёмные и холодные времена. Нечто, чем я буду делиться с другими. Нечто, что для меня будет называться... добром.

– Но..?

– Но с другой стороны, я начинаю думать, а к чему мне меняться? Зачем мне это, для чего? Я ведь нравлюсь самой себе и такой, какая я сейчас: как внешне, так и внутренне. Зачем мне всё это, если и так хорошо живётся?

– Но не идеально, – заметил Джейсон, и я поразились, как точно он попал в цель.

– Да, в этом ты прав. Я действительно порой чувствую, что всё же во мне что-то не так... Я думала, что всё дело в одиночестве, но, может, всё из-за того, что не хватает частички добра...

Я чужая самой себе.

Слова застряли в горле, шиповником проросли в лёгких. Нет, не одиночество мешало мне жить в полную силу, не отсутствие энергии в серых буднях, не мои странные друзья. А это гадкое, подлое чувство меж клапанов сердца – *чужесть*. Словно это не мои кости, не моя душа, не моя планета, не мой мир. Будто я попала куда-то не туда по собственной ошибке. И до сих пор не в силах её исправить.

Джейсон об этом не знал. Как и многое другое обо мне. Он знал лишь то, что я ему позволяла о себе знать. Я не расслаблялась в его присутствии, не делала оплошностей, следила за языком. Да, я говорила с ним о моральным, тогда как с остальными – о физическом. И это не делало Джейсона кем-то особенным для меня. Просто так сошлось. Я рассказывала ему о своих душевных волнениях, но все они возникали здесь и сейчас. То, что мучило меня годами, ещё с приюта, я никому не рассказывала. Я знала, что должна была справиться с этим сама, без посторонней помощи.

– Знаешь, мои слова, которые я сейчас тебе скажу, могут показаться сумасшедшими, недостижимыми, вообще тебе не подходящими... – Джейсон закусил губу, когда встретился с моим недоверчивым взглядом. – Но знаешь, твоя главная задача может стать такой – найти в себе несгораемое желание создать самую яркую, счастливую и наикрутейшую версию самой себя. Учи иностранные языки, начни заниматься спортом, перестать засорять свой мозг ненужной информацией, направь все свои мысли в одну точку. Хочешь, найди себе такое окружение, которое будет тебя мотивировать хоть днём, хоть ночью, которое будет наполнять тебя чем-

то новым, чистым, радостным. Ты жаловалась на скуку – так изучай что-то интересное, пусть каждый твой день будет наполнен яркими событиями. Разгадай тайну, поставь большие цели и стремись к ним. Иди своим путём и не оглядывайся на других. Ты уникальная, и в этом твоя сила и красота.

Если даже корабли не могут спастись во время шторма без огня маяка, то почему я уверена, что смогу справиться со своими кошмарами в одиночку?

Сама по себе я плохой человек. Оставаясь наедине с собой, я не буду саморазвиваться, делать добрые дела, пытаться бросать курить или накручивать себя до паранойи. Когда я одна, то тону – надрывно, глубоко, туда, куда никогда не дотянется свет. Такое же ощущение возникает и рядом с Анной, с Вильгельмом и даже с Арни: все они в какой-то степени разлагались душой, не верили в добро, не желали найти свет. Вереницей чёрных всадников они скитались по пустыне грехов, самобичевания и безнадёжности – там никогда не поднималось солнце, не цвели растения, не звучал смех. Вместе с ними я такая же, как и они, если даже не хуже. Но если рядом появлялся Джейсон – это как луч светила в заваленном обломками заброшенном доме. Я шла к нему в надежде выбраться, спастись из собственного заточения, стать, наконец, свободной.

Вот почему я с ним общалась. Только путь оказался слишком длинным.

– Знаешь, в какой-нибудь вселенной я точно сделала всё то, что ты только что сказал, – я наблюдала за тем, как Джейсон выворачивал карманы своей дурацкой куртки, чтобы дать мелочь нищему, что случайно встретился нам по дороге.

– А ещё в какой-нибудь другой ты была бы счастлива, – парень кинул несколько купюр в протянутую шляпу, и мы побрели дальше.

– Знаешь, если вселенная бесконечна, то в какой-то момент она должна повторяться. Потому что количество способов расположения частиц в пространстве-времени, хоть и невероятно гигантское, но всё же конечное. А раз так, и если бы можно было заглянуть далеко в космос... то, возможно, мы бы увидели версию себя, которая стала президентом или просто съела на завтрак бекон, а не роллы.

Джейсон восхищённо поднял серо-карие глаза к небу.

– Это же представить только, как много миров может существовать...

– Мне действительно кажется, что так оно и есть, – я слегка улыбнулась своей любимой теме разговора. – Хотя человечество даже сомневается в том, что мы не одни во вселенной, я считаю, что множественные миры – нечто более глубокое, странное, нереальное. Если они действительно существуют, то это де полностью переворачивает наш мир: и физику, и представление о жизни, и о вообще всю нашу судьбу. Поднимать голову к небу – и представлять уже не далёкие планетные системы, а сложную структуру мультивселенной...

– Как в фильмах.

– А тут – была бы реальность, – я снисходительно посмотрела на парня. – Чувствуешь разницу?

– Говорят, они и вправду есть!

Мы обернулись на знакомый мальчишеский голос. Джейсон даже не успел понять, что это его младший брат, Хилари, как тот кинул целую охапку снега в лицо парня. Я быстро схватила ближайший снежок с горки возле вычищенной дороги и засунула его за шиворот Джейсона. Тот громко заулюлюкал, пытаясь стряхнуть с себя уже растаявшую холодную воду.

– Эй! Я не для этого свои лекции рассказывал! – Джейсон ещё раз встряхнулся, поёжившись от неприятного мороза.

– А по мне, забавно, – я невольно заулыбалась во весь рот.

– Ну ладно, только ради твоей улыбки стоило терпеть эти унижения, – Джейсон просиял, видя, что у меня наконец-то хорошее настроение.

– Вот, уже лучше получается, – решила я не разочаровывать его и повернулась к Хилари. – Привет, маленький чертёнок.

– Я не маленький, мне тринадцать лет! – на секунду тот обиженно скорчил лицо, но уже через миг вновь оживлённо заболтал: – А так было бы здорово жить в мире, где всё сделано для футбола! Мячи прямо на улицах, ворота на каждом углу, дешёвая футбольная форма, стадионы вместо школ! А ещё кружки у всех в виде свистка.

– Это уже перебор, – совершенно не радовалась я его идеи.

– Тогда в виде красной или жёлтой карточки, – не терял энтузиазма Хилари, глядя на нас блестящими карими глазами.

– Ага, и материки в виде шестиугольников, – Джейсон натянул шапку брата прямо ему на нос.

– Эй! А почему нет? – мальчишка неаккуратно поправил свою шапку, из-за чего светлые ломкие волосы растрепались во все стороны. – Если бы представился такой шанс, я бы хотел попасть в такой мир и жить там!

– А семью тут оставить?

– Ну тогда хотя бы глянуть одним глазком! Или с собой вас взять!

– Меня бы стошнило от футбола уже на следующий день, – я сделала вид, будто меня выворачивало наизнанку.

– Ну, а вы бы тогда в какой мир хотели бы попасть? – с капризной ноткой в голосе спросил Хилари.

– Пожалуй, в тот, где всё всегда хорошо, полная идиллия и сбывшиеся мечты, – Джейсон даже на секунду прикрыл глаза от блаженства.

– А ты? – младший Коллер перевёл на меня смыслённый взгляд.

Мир...

Где бы я хотела оказаться?

Там, где я жила бы со своими настоящими родителями? Или там, где не чувствовала бы себя столь чужой? Или где я – икона стиля, моды и красоты? Или где я... богиня зла?

– Не знаю, – я тяжело вздохнула, не желая долго думать над вопросом, который задал мне столь глупый мальчишка. – Свой собственный мир нужно строить здесь и сейчас, а не мечтать о его далёком существовании. Его может никогда и не быть.

– А я слышал, что миры всё же существуют, – упрямо гнул своё Хилари, идя между нами. – Ходят слухи, что их когда-то обнаружил Рэбэнус Донован, за что он потом поплатился: бесследно исчез. Говорят, он пропал в одном из миров.

Я не поверила его сказкам.

– Ага, и почему же не может оттуда выбраться?

– Не знаю, – поджал губы Хилари, видя, что мы не верили ему. – Говорят, жив его дух, но тело нет. Может, он каким-то образом просочился в наш мир, но его телесная оболочка осталась там, где-то в ином измерении.

– Звучит слишком фантастически, – Джейсон странно покосился назал, где ещё виднелись башни замка Донована. – А кто же похоронен тогда на местном кладбище? Чучело?

– А может, он и вправду погиб, но его призрак до сих пугает местных жителей, – немного сдался Хилари, но решил подкинуть ещё одну идею: – А ещё говорят, что кто-то слышал какие-то шорохи, крики и треск огня, словно от пожара. И сам голос Рэбэнуса, зовущего за собой куда-то в темноту.

– Рэбэнус, конечно, большой шишкой был в прошлом, но не думаю, что он многих убивал и был таким злодеем, как его считают, – слегка раздражённо фыркнул Джейсон, хотя я подозревала, что он не верил в собственные слова. – Иначе бы мы не учились в замке, в котором жил он.

– Но ты ведь сам знаешь..! – неожиданно рьяно возмутился Хилари. – Наши предки, род Коллеров, они же...

– Это уже слишком, – Джейсон вдруг резко прекратил болтовню брата, взял того за руку и быстрее увёл от меня. – Не беспокойся, Равенна, ещё увидимся!

И размахивая на прощание рукой, он скрылся с Хилари за углом. Я остановилась в непонимании произошедшего. Конечно, не надо быть гением, чтобы догадаться, что Джейсон что-то скрывал и что в прошлом всё-таки произошло нечто странное. И, возможно, ужасное. По вине Рэбэнуса Донована.

А это любопытно.

Я не имела каких-либо «рычагов» давления на Джейсона, но история его предков могла бы мне в этом очень даже помочь. Хотя я в этом сильно и не нуждалась: мало кто знал, что общалась с ним, а кто знал, то говорила, что мы с ним вместе спали. И это было действительно так, вот только случалось слишком уж редко: то его родители дома, то мои, то ещё что-то. Не встречались, не любили – уж я-то точно – просто были опорой друг для друга. Но меня раздражало, что я была зависима от Джейсона больше, чем он от меня: я видела в нём свет, исцелялась морально и при этом удовлетворяла свои физические потребности. А я ему для чего? Ньюйва видит, я могла напридумать, что Джейсон не так добр и чист на самом деле, что он опозорит меня на весь университет. И хотя вряд ли такой вариант возможен, но... иметь туз в рукаве никогда не бывает лишним. Особенно если он связан с Рэбэнусом Донованом.

Я зашла в узкий переулок между двумя невысокими домами, ведь так можно было быстрее дойти до дома. Взгляд скользнул по кирпичной стене, где с помощью баллончика была сделана какая-то надпись...

Я замерла.

Нет, это не граффити. Это кровь.

А написано...

«РЭБЭНУС ЖИВ!»

IV: Ни тьма, ни свет

*Умный тот, кто нарушает правила и всё-таки остаётся жив.
Джордж Оруэлл*

– Извинись перед Мэри.

Канг встретил меня в коридоре, как только я вошла в наш небольшой двухэтажный домик. После поднявшегося холодного ветра в помещении казалось совсем тепло, снежинки тут же начали таять на шерстяной ткани пальто. Но внутри образовалась привычная корка льда – после вполне приятной беседы с Джейсоном совершенно не хотелось с кем-либо спорить и вообще разговаривать. А тут Канг, да ещё и с вечной просьбой перед кем-нибудь мне извиниться. Терпеть не могу его сочувствие людям.

– Я не хочу этого делать.

Раздражение было в каждом моём движении: когда я кинула свою сумку, снимала пальто и расстёгивала сапоги. Об утренней ссоре с матушкой я уже почти забыла, а Канг так не вовремя о ней напомнил. Слишком много новых мыслей роилось в голове, такое большое количество энергии бурлило в крови – хотелось что-то изучить, сделать, срочно сшить. А тут это, Аоинь бы всех побрал. И сожрал бы заодно⁹.

– Извинись перед ней, – не отступал мужчина, преградив мне дорогу.

Да что за день сегодня такой, что мне все не дают пройти?!

– Нет.

Я даже не пыталась пробраться мимо него, но Канг всё равно дёрнулся.

– Извинись перед Мэри, – в третий раз повторил он всё тем же строго-просящим тоном.

– Я не сказала ничего лишнего, не оскорбила, ничего не сделала, – я чувствовала себя школьницей, оправдывающейся перед директором, и это злило ещё больше. – Я не виновата, что Мэри из-за своих психических отклонений так сильно на меня обижается. Пусть идёт к врачу, раз я ей не нравлюсь.

Лицо сморщилось словно от пощёчины, в тёмных глазах на секунду блеснула влага, пальцы нервно прошлись по коротким чёрным волосам – Канг стойко держался после моей нападки, но боль давила на него изнутри. Будь у него другой характер, он бы накричал на меня, быть может, даже ударил, унизил, упорно защищал бы честь своей жены. Но он не мог напасть в ответ, ведь любил меня так же сильно, как и Мэри. Хотя веских причин этой любви я не нашла. Возможно, Канг просто сам по себе хороший и как человек, и как отец.

Вот только он мне всё равно не родной.

– Мэри многое пережила, – заговорил он спокойно, нежным взглядом пройдясь по мне. – Голод, нищенство, несправедливость, потери, переезды. У неё был долгий путь, полный страданий и горя. Я знаю, ты не найдёшь в себе сострадания к Мэри. Но найди хотя бы капельку доброты, чтобы извиниться.

Доброты...

А в голове – звонкий голос Джейсона, разговоры о морали, обещание прошлому... Я не дала денег нищему и не сделала за весь день ни одного доброго поступка, но сейчас могла исправить это хотя бы раскаянием. Напускным, невольным, бесполезным, но всё же носящим светлый посыл. Конечно, Канг, как и никто другой кроме Джейсона, не знал о моей затее стать

⁹ Аоинь – китайское мифическое животное, вооружённое длинными смертоносными когтями и, как говорят, очень любит поедать человеческие мозги.

лучше, поэтому вряд ли догадается, отчего же я так быстро согласилась извиниться перед Мэри сегодня. Ведь подобные разговоры случались уже не раз.

Как и всё в этом доме.

– Где она?

Канг облегчённо выдохнул.

– Наверху, развешивает бельё.

Кивнув, я начала тяжело подниматься по лестнице словно с цепью на шее. Усталость внезапно навалилась на плечи, и я вспомнила все те дни, когда приходила ещё в Чэнду со школы домой, убитая после учёбы, тренировок и всеобщего внимания. Тогда я поняла, что внешний мир людей мало чем отличался от жестоких детей в приюте. Те не замечали моих слёз, а взрослые – как я валилась с ног и насколько оказывалась истощена внутри. Окружающие вообще редко понимали, что если ты утром шутил шутки, днём проводил с компанией время, то вечером ты не так же весел. Это не означало, что, приходя домой, ты потом не лежал полчаса в полной прострации и не смотрел в потолок, не понимая, куда себя девать.

Хотя людям, в принципе, зачастую вообще нет дела, что там внутри тебя происходило. Главное, чтобы ты вовремя отдавал им то, что от тебя требовалось.

Даже если всего себя.

Даже если от тебя ничего не останется.

Даже если...

Недовольный взгляд Мэри остановил от падения в пропасть мысли. Только зашла в комнату, а матушка уже не рада меня видеть. Хотя, пожалуй, ей просто не понравился мой яркий наряд. Порой я задавалась вопросом, отчего Мэри так не любила моё хобби, а потом вспоминала, что та не любила вообще что-либо связанное со мной. Вульгарность, открытость, дерзость – это читалось в каждой нитке, в замысловатых узорах, во всех моих костюмах. А для Мэри, столь отчуждённого от мира человека, просто не суждено понять одноклеточным мозгом всю красоту вещей.

Женщина выглядела устало, тёмная мокрая одежда создавала мрачный фон вокруг неё, одинокий фонарь на улице тусклыми лучами проходил сквозь стекло окна и оставлял мрачные тени на бетонных стенах и потолке. Мне не хотелось извиняться, особенно после того, как я раз несколько в мыслях оскорбила Мэри, но нужно было это сделать.

– Прости меня, матушка, – я опустила голову и вжала в плечи, чтобы сыграть настоящую провинившуюся дочь.

Матушка.

Ещё когда меня только забрали из приюта, приёмные родители «приказали» мне называть их не по именам, а матушка и отец. И если ко второму слову не сложно привыкнуть, то *матушка*... каждый раз чуть ли не выводило меня из себя.

– Прощаю тебя, сяо-Рави, – Мэри на мгновение коснулась моей щеки. – Пойдём обедать, дорогая.

Никаких условий? Вот так быстро? Обычно она мне говорила «чтобы это был в последний раз» и всё в таком же духе, а тут – сразу простила. Может, что за столом будет? Но и обед прошёл спокойно: поели лапшу и мясо с карамелью, немного поговорили о том, как шла сейчас жизнь в Чэнду и в Англии, а затем разошлись по своим делам. Когда я поднималась по лестнице к себе в комнату, меня не покидало ощущение, что как-то слишком подозрительно тихо всё прошло. Мэри такую взбучку закатила сегодня утром, а сейчас вечером уже всё хорошо? Никаких последствий? Новых правил? Запретов?

С другой стороны, плевать, что там думала эта женщина, которая даже не являлась мне родной матерью.

Для меня она никто.

Комната встретила меня холодной тишиной и беспорядком. В порыве гнева после утренней ссоры я почти ничего не убрала из того, что шила. Сделанное всего на половину платье лежало на кровати, обрезки чёрной ткани беспорядочно разбросаны даже по полу. Портновские манекены жуткими фигурами стояли в углу, пока я не включила свет: он озарил шкафы, забытую на столе чашку с остывшим кофе, отразился в пайетках и в золотистых цепях моих нарядов, засверкал в пуговицах и в длинных зеркалах. Всё же пыль завалилась на полках, стульях и под кроватью, куда укатился моток серых ниток.

Я чувствовала себя уставшей после столь разнообразного дня, по сравнению с последними, полными скуки. Но беспорядок меня раздражал куда сильнее, чем крики Мэри. Переодевшись в домашнее, я включила LAY «Lit» и взялась за работу. Мысли путались, сбивались в кучу, разлетались в разные стороны – их невозможно было привести в порядок. Пожалуй, поэтому я и решила прибраться в комнате. Так ведь легче, правда? Легче вымыть дочиста пол, убрать пыль, вычистить шкафы и выкинуть всё ненужное. Так легче, чем хотя бы начать распутывать тот бардак и мусор, что творился у нас внутри и с корнем выдирали душу. Огромный ком – в этих мыслях не видно ни начала, ни конца. Они выглядели страшнее, чем весь хаос даже не твоей комнаты, а всего мира...

На подоконнике лежала какая-то бумажка. Я не помнила, чтобы туда что-то клала, но решила посмотреть. И замерла.

Быть этого не может.

Это была чья-то записка. Ровный почерк с засечками, словно напечатан, однако свежий запах чернил выдавал то, что содержание всё же писали. А значит...

О Ньюва.

Кто-то был в моей комнате до моего прихода.

«Познаешь вкус тьмы – познаешь и свою смерть. Жди беды, девочка-ворон».

Бах!

В окно врзалась чёрная птица. От испуга я не сразу сообразила, что это ворон: окровавленный, с выковырянными глазами и сломанными крыльями. Из раскрытого клюва мне чудился не то хрип, не то ещё одно жуткое предупреждение. Мурашки пробежали по коже – а быть может, это чьи-то пальцы прошили по спине.

Тук, тук, тук.

Откуда? Кто? Комната была пуста, музыка резко утихла, свет стал чуть потрескивать, словно чья-то тёмная энергетика мешала работать электричеству постоянно.

Тук.

Где-то среди этих четырёх стен. Кто-то стучал. Призывал меня подойти...

Тук.

Я не двигалась. Любопытство распирало грудную клетку и даже было сильнее, чем страх, холодной испариной появившийся на лбу. Но я намертво замерла на месте – пожалуй, за этот день я слишком часто оставалась неподвижной.

Тук.

Совсем близко. Прямо над ухом.

Тук.

Взгляд скользнул по рядом стоящему зеркалу – сердце пропустило удар от ужаса. Какой-то силуэт стоял и улыбался по ту сторону...

Я зажмурилась, прислушавшись к любому звуку в своей комнате. За окном проехало пару машин, кто-то прошёл, скрипя по снегу, но внутри – тишина. Ничего не шипело, не двигалось, не стучало...

Резко раскрыла глаза.

Нечто тёмное проскользнуло мимо меня, спрятавшись в тёмный угол. На секунду вспомнился приют, пожар, обещание...

– Тень..?

Тишина.

Нет, это невозможно. *Она* не могла ко мне вновь вернуться. *Её* вообще не существовало – это всего лишь моё разыгравшееся воображение в тринадцать лет. Никакой мистики, никакой крови, никакого зла...

Как и сейчас.

Я обернулась, но ворона уже не было. Осталась лишь записка, в которую я вцепилась длинными накрашенными ногтями.

Вот видишь, это всего лишь паранойя.

Не существовало ничего потустороннего. Ничего сейчас не произошло. Никто не хотел мне зла. Просто устала, просто разыгралась.

Но всё же отвлечься я решила. Плевать на запреты! Пусть Мэри катиться вместе с ними к Аоиню. Мне девятнадцать лет, Гуй побери, я могу делать всё, что захочу и когда захочу, даже ночью. Надев самое вульгарное, которое у меня только нашлось, я натянула сетчатые колготки, сапоги на тонких каблучках и пару цепей на шею. Изящно и в моём стиле – росписи серебристых черепов, шикарное пальто, алые губы, красная тушь. Неотразима и привлекательна со всех сторон – я хотела отдаться в эту ночь и духом, и телом.

Нужно срочно снять напряжение.

Выбраться из дома было просто, хотя любой непонятный звук отзывался по телу болезненными ощущениями. Приёмные родители всегда ложились рано, спали крепко, ведь на следующий день на работу. А мне плевать на учёбу. Молодость, энергия, жизнь кипели в жилах! Холодный воздух ночи будоражил, дарил свободу, набивал лёгкие зимним морозом. Так давно я не нарушила глупые правила Мэри – и не из-за боязни перед ней, нет, а просто в ненадобности этого делать. Но сегодня отчего-то остро захотелось развлечься – и клуб «Huggin Hearts» отлично для этого подходил.

«Dark Horse» от Katy Perry уже вовсю играла, когда я зашла в клуб. Атмосфера полна энергии, истерики и даже агрессии. Танцы, прикосновения, рваные шлепки – все растворились в музыке, в себе, друг в друге. Некоторые подпевали, другие пытались переговориться друг с другом, третьи кидали на проходящих полураздетых девиц испытующие взгляды. С каждой секундой становилось жарко – и не только из-за духоты в помещении, но и из-за общей нетрезвости. Тут же соблазнив какого-то вышибалу, я взяла у него сигарету и какое-то время перебрасывалась дымом, наполненным флиртом. Но как только сигарета закончилась, я ушла от него, кинув окурки в чей-то стакан.

– Эй, смотрите, кто пришёл! Наша богиня!

Ко мне пьяной походкой подошёл Генри – высокий красавец блондин с тёмными глазами. От его белой рубашки пахло спиртным и одеколоном, смешанным с потом, когда он обнял меня за талию. Пошлый взгляд проскользнул по моей полуоткрытой груди, а затем остановился на лице.

– Давно не виделись, Генри, – я приманчиво улыбнулась и перехватила бутылку коньяка из его рук.

Глоток – и алкоголь обжёг горло, теплом распространяясь по всему телу. Сразу стало так хорошо, легко, свободно, будто все цепи грешной земли сорвались в кровавую топь. И с грязной совестью пустили меня в полёт.

Вот только не в рай лежал мой путь, а в ад.

– Эй-эй, полегче, красавица, – Генри взял из моих рук бутылку. – Где ты пропадала? Столько вечеринок пропустила!

– Важные дела решала, не для твоего ума, – я легонько коснулась его носа. – Соскучился?

Из его груди вырвался рваный рык, пальцы судорожно прощлись по моему оголённому плечу. О Ньюва, так давно меня никто не касался...

– Ещё как, богиня...

– Эй, голубки!

Мэдди явилась как раз вовремя – не скажу, что я была не готова заняться любовью прямо сейчас, сначала хотелось иметь в голове больше дурмана. Да и развлечься подольше. И, быть может, найти пару получше, чем Генри, который безответно влюблён меня ещё с первой нашей встречи в этом клубе.

– О, моя дорогая, – я с намёком подмигнула. – Не найдётся у тебя чего покрепче?

– Для тебя всё что угодно, детка.

Мэдди развернулась на каблуках и потащила меня к женскому туалету. Там уже были несколько девушек, и один завалявшийся под унитазом вусмерть обдолбанный парень. Кто-то курил, кто-то одурманенным взглядом таращился в стенку, а кто-то просто пьяно качался в такт музыки. Одна из присутствующих готовила новую дорожку кокаина – кажется, это была Вуди, что училась вместе с Вильгельмом.

– О, не ожидала тебя увидеть здесь, моя родная, – Вуди одним взглядом оглядела меня с ног до головы. – Шикарно выглядишь. Впрочем, как и всегда.

– Благодарю, – я небрежно улыбнулась ей в ответ, ведь та с короткой стрижкой и в мужской одежде выглядела совершенно непривлекательно. – Угостишь?

– А для чего я, по-твоему, тебя сюда привела? – усмехнулась Мэдди и пьяно рассмеялась.

Её крашенные красные волосы чуть расплылись перед глазами, когда я затынулась самокруткой. Думала попробовать кокаин, но не хотела полностью терять ясность разума – как-никак, а ошибок в таком состоянии можно наделать уйму. Запах кожи, трещины на стене, девичий смех – всё слегка раскачивалось, доносилось притупленными звуками, словно существовало лишь в моей голове. Бессмысленно заулыбавшись от кайфа, я затынулась ещё раз вместе с Мэдди и попыталась завязать с ней диалог. Но та оказалась вообще не в состоянии разговаривать – в ней наркотика было в разы больше, чем во мне.

О да, именно этого я и хотела.

Расслабиться. Отвлечься от всего. Побывать в своей стихии – развратность, полная свобода действий и дикое желание с кем-нибудь переспать. Хватит с меня быть хорошенькой девочкой...

Как давно я не ходила сюда? Училась, шила, работала... Действительно ли много пропустила, как говорил Генри? Ах, Генри... глупый мальчик, не понимал, что от меня ничего не дождёшься. Лишь разбитого сердца.

У меня оно ведь тоже не цело.

– Не пора ли нам тусить, девчонки? – Вуди первая чуть пришла в себя после дозы. Сколько времени прошло? Сколько вот так мы сидели и курили?

Да и плевать.

Мы вышли из уборной и почти сразу потеряли друг друга из виду. Мэдди позвал Генри, Вуди смылась с какой-то девицей, а я... Я прониклась музыкой: играла «Abcdefu», танцевали люди, бушевали страсти, стирались в алкоголе границы. Танец в самом центре зала – я ощущала, как многие глазели на меня, кто-то иногда касался моих оголённых лопаток, прислонялись спиной, кружили вокруг. Но я не смотрела на них, молодых, полных энергии людей – танец жизни повелевал моим телом, управлял руками, касался волос и невидимыми пальцами проходил по губам. Тесно снаружи, но так свободно внутри... пожалуй, это лучшее чувство, которое я испытывала за последние недели.

Тела, тела, тела...

**«И я пыталась быть хорошей,
Но ничего не получается, так что позволь мне произнести всё по
буквам...»**

– Раньше за мной бегало много девушек. Но потом я перестал воровать их сумочки.

На секунду испугалась – голос Инграма вновь оказался так близко к уху и так неожиданно. Непринуждённым движением руки он немного покружил со мной в танце и вывел ближе к углу помещения. Не сразу я сконцентрировала взгляд на его чёрных глазах: таких бездонных, жестоких, обволакивающих тьмой. Точные скулы, слегка вытянутое лицо, довольно хрупкое телосложение – он был в той же одежде, что и утром в университете, но в красном свете клуба выглядел отчего-то красивее.

– Воровать сердца девушек тебе не под силу, это точно, – я посмотрела на два стаканчика, которые парень держал в руках.

– Хочешь? – заметил он мой жадный взгляд. – Правда, один из них отравлен.

Прикола ради я решила прикинуться совсем пьяной.

– Сколько стоит?

– Бесплатно.

– О, давай оба! – обрадовалась я, хлопнув в ладоши.

– Я же говорю, один отравлен, – чуть зло повторил Инграм.

– А что, за яд платить надо?

Он закатил глаза.

– Алкоголь несомненно убивает людей, – и тут нахально усмехнулся, наклонившись ко мне настолько близко, что я уловила от него едва ощутимый запах мха, – но зато сколько людей благодаря ему родилось.

– От меня не дождёшься, – я резко стала трезвой, насколько это возможно после столько всего употреблённого.

– И не горел желанием, птенчик, – Инграм залпом выпил содержимое одного из стаканов, а второй поставил на барную стойку. Только сейчас я заметила, что мы находились рядом с ней: так я сначала забылась в музыку, а затем и в разговоре с этим...

– Да ты наглый, самовлюблённый, циничный провокатор! – вдруг разозлилась я из-за сложившейся ситуации.

– Как точно ты описала меня, благодарю, – закурив, Инграм выпустил колечко дыма прямо мне в лицо. – Распечатаю и повешу себе на стену.

– Лучше на лоб приклей.

– Твоё чувство юмора будто на стадии зачатия, – грубо не оценил Инграм.

Я решила тоже его спровоцировать:

– О сексе прямо не говоришь, лишь намёками, но так и хочешь...

Парень хрипло рассмеялся.

– Я не сплю с первой попавшейся шлюхой. Не разочаровывай меня ещё больше, птенчик.

– Куда уж ещё больше, – скрестила я руки на груди и с вызовом посмотрела ему в глаза, – на дне ведь ты.

– Я и не отрицаю.

Возможно, мне только это показалось, но я уловила едва заметную ноту грусти в его голосе. Быть может, Инграм не так чёрств, как всеми забытый хлеб, а имел даже какую-то свою боль в душе? Даже если в это с трудом верилось. Мы ведь все люди, даже я.

– Откуда у тебя эти шрамы? – я решила сменить тему и получше узнать своего собеседника.

– В детстве упал на дикобраза, – Инграм механично прикоснулся к одной из белых «трещин» своего лица.

– А круги под глазами?

– Пятый и шестой по Данте.

– Или просто по ночам ходишь в секту.

Тот же ход, что и сегодня в столовой. Да, я повторялась, но вдруг и в этот раз удастся выяснить что-нибудь? Тем более из-за дурмана в голове придумать что-то новое казалось попросту невозможным. Я и так довольно плохо соображала, да ещё и пыталась остановить дикое желание флиртовать. Хотя это получалось так себе, конечно.

Инграм медленно затянулся, блуждая взглядом по танцующим людям.

– И не только по ночам, – неожиданно согласился он. – Просто в этот раз так получилось, что именно ночью. Ты ведь для этого пришла сюда?

На мгновение я поймала себя на мысли, что, в принципе, так оно и было: я пришла в клуб не только развеяться, но и вдруг узнать что-то новое о секте... или попасть на её собрание, о котором говорил Арни.

– Я не знала, что вы собираетесь в этом клубе. Не слишком ли оно популярное и многолюдное для этого дела?

– Ты думаешь, мы сейчас включим сатанинскую музыку, встанем посреди танцпола и начертим пентаграмму?

– А где тогда? – я заметила, как он посмотрел куда-то вдаль, на стену. – Ой, вот только не надо говорить, что «эта информация не для непосвящённых».

– Отчасти так оно и есть.

Я поняла, что на этот вопрос вряд ли получу ответ. Да и он волновал меня не так сильно, как нечто другое.

– Почему именно Рэбэнус? Почему вы поклоняетесь именно ему?

– Мы не поклоняемся, – Инграм слегка дёрнул головой.

– А что же вы тогда делаете?

– Рэбэнус Донован очень многое сделал для этого города, для каждого из нас. Для многих, как они считают, он принёс лишь зло, разрушение и смерть семьям, но для нас он как свет в конце тоннеля. Мы не поклоняемся ему, – повторил парень, то закрывая, то открывая свою зажигалку. – Мы превозносим его, подчиняемся его воле, познаём глубины магии, тьмы и мироздания. Мы едины с Рэбэнусом, друг с другом, с каждой душой, убитой от его руки.

– И этой же кровью вы пишете на стенах о том, что он жив, – вспомнила я сегодня то, что увидела по пути домой.

– О, он действительно жив, – Инграм ткнул тлеющий бычок в пепельницу, – просто не в этом мире.

– А в загробном, я в курсе.

– Ты не веришь мне?

Я считала, что здесь спрятано нечто большее. Считала, что всё куда более запутано, покрыто тайнами и старыми историями. Нужно лишь расчистить пыль и найти ответы на все волнующие вопросы. Но от Инграма этого не дождёшься: либо он что-то не договаривал, либо врал или сам ничего не знал, либо секта действительно занималась какой-то ерундой. А вот что из этого правда...

– Нельзя верить тому, кто угрожает тебе.

– Инграм! Нам пора ид...

Арни запнулся на полуслове, когда встретился со мной взглядом. Он был одет в бежевый пиджак и в зелёную рубашку, словно пришёл не в клуб, а на собрание учёных.

– И тебе привет, химик, – я беззаботно помахала ему рукой, улыбаясь во весь рот.

Парень рассеянно кивнул и хотел было уже что-то сказать Инграму, но тот опередил:

– Она знает.

Арни ничего не спросил, лишь сосредоточенно уставился куда-то вперёд, словно от его решения зависели многие судьбы людей. Редко я видела его таким собранным, без лишней энергии и шума. Оно и понятно – я сразу догадалась, что они говорили про секту. И не скажу,

что мне хотелось вступать в неё, ведь тогда придётся все свои силы и деньги тратить на неё, отречься от мира, а мне этого не нужно было. Но хотя бы взглянуть одним глазком...

И Арни, видимо, прочёл это желание в моём лице, раз молча позвал следовать за собой.

Мы прошли через шторы и оказались в небольшом тёмном коридоре. Арни дошёл до конца и открыл самую последнюю дверь. В полной тишине мы зашли в маленькую комнату, освещённую одной тусклой лампочкой. Никаких обоев, ремонта и мебели, лишь один старинный комод. Как раз из него Инграм вынул три чёрные мантии, одну из которых протянул мне.

Ворон – символика Рэбэнуса, всё его олицетворение в этой птице. И в виде неё была сделана накидка: настоящие перья почти на всю спину, капюшон, похожий на клюв ворона, неровные широкие полы, чтобы при размахе рук получались крылья. Неплохо так постарались швеи, про которых говорил Арни. Но если бы мы были с ним с самого начала заодно, не сомневаюсь, он поручил бы это дело мне.

Ведь у меня вышло бы лучше.

От разглядывания мантии отвлёк резкий скрежет: это Инграм и Арни отодвигали комод, под которым оказалась потайная дверца. Парни открыли её, и поначалу я подумала, что там ничего нет, кроме темноты. Но когда Арни первый ступил в неё, то поняла, что там лестница.

– Веди себя тихо, – Инграм хотел было последовать за другом, но остановился, посмотрев на меня. – Не задавай вопросов, постарайся вообще ничего не говорить и не лезть вперёд, как ты любишь.

– Иначе меня убьют? – я немного замедлилась, когда стала надевать мантию.

Парень хитро усмехнулся, точно знал какую-то тайну, которая могла меня шокировать.

– Хуже.

И начал спускаться вниз.

Я даже не успела оценить, как на мне шикарно сидела накидка, ведь пришлось догонять ребят. Меня шатало из стороны в сторону, поэтому идти по лестнице оказалось тяжеловато. Но та быстро кончилась, и я вышла в мрачный коридор, освещённый одним факелом в середине. Холодно, темно, да ещё и пахло сыростью и зловонием – так себе, конечно, нашли себе место для собраний эти сектанты.

– Не морщь свой носик, птенчик, – Инграм вновь взялся словно из ниоткуда, – это подземная усыпальница.

– Кого?

– Неродной матери Рэбэнуса.

– Так он приёмный? – не знаю, почему именно эта мысль пришла мне в пьяную голову.

– Зря мы тебя взяли, – Инграм с долей враждебности глянул на меня, – не знаешь истории города, в котором живёшь. Да и много чего другого тоже.

– Тогда зачем же взяли? – раздражённо спросила я, пытаюсь уловить связь его слов.

– Не хотелось, чтобы ты рассказала всему университету о нашей... деятельности, – парень пренебрежительно поправил мантию на моём плече. – Но если всё же соберёшься рассказать, то теперь и ты замешана во этом деле.

Щёки вмиг вспыхнули от злости. Ах он паршивец! Завёл меня одурманенную куда-то в подземелье, да ещё и шантажировал! А я повелась как дурочка... Жажда вмазать в его довольную рожу росло в геометрической прогрессии, но пока я собиралась с прыгающими мыслями, Инграм уже развернулся и начал уходить. Перья мантии плавно покачивались при его плавной походке, капюшон скрывал белую шевелюру, огонь факела чуть задрожал, когда парень прошёл мимо.

Ш-ш-ш-ш...

Что-то прошипело прямо сзади меня – это мгновенно отрезвило и заставило быстро догонять Инграма. Казалось, тени шевелились по стенам, перетекали с потолка на пол, пока наконец-то вместе с нами не вышли к большому помещению. Пара величественных, но уже полураз-

рушенных колонн, множество свечей, несколько черепов по углам и ровно тринадцать алтарей – всё жуткое, древнее, но красивое из-за золотистых и чёрных оттенков. В самом центре собрались около пятнадцати человек, словно стояли вокруг чего-то. Из-за широких спин и мантий я ничего не могла разглядеть, но пару промелькнувших лиц показались знакомыми.

Арни вышел вперёд, и его лицо из-за падающих теней и света огня стало страшным.

– Все, кто сейчас тут стоит, все мы пришли к Ворону. Ко Тьме. Как только я к ней пришёл, то смог наконец-то почувствовать себя на своём месте, как будто всё в моей жизни стремилось именно сюда, в темноту. И так у каждого из вас. Мы прошли через ложь, лицемерие, падения... и даже через искусство. Есть в мире талантливые люди, одарённые, те, чьи навыки в чём-либо сразу являются поразительными. У каждого из нас были те, на кого мы хотели равняться, кого боготворили, кому завидовали, даже прекрасно понимая, что это плохо. «Старайся и у тебя всё получится» – так нам говорили, не так ли? – на его вопрос все согласно кивнули. – Мы слепо поверили, вдохновились и стремглав понеслись вперёд, отдавать всего себя. Мы писали, творили, не спали днями и ночами, не опускали руки... Наивные. Самообманчивые. Не замечали критики и того, что никому наше творчество не интересно. А время всё шло... Каждый из нас продолжал творить, думая, что ещё немного – и нас оценят по достоинству, похвалят, полюбят, примут в ряд с талантливыми людьми. Но те отбирали у нас все лавры. Ведь они лучше, красивее, сильнее. И тут зависть перерастает в злость. Мы творили и дальше, правда? Вот только уже во зло всем или просто на автомате. Снова и снова. День за днём. Отдавая всего себя без остатка. Пока не сломались... просто у нас нет таланта. Несправедливо? Обидно? Конечно. Но тогда мы открыли для себя мир по-настоящему. Старания напрасны и никому не нужны. Твоя воля, время, труд – всё, что делает тебя тобой, никому не нужно. Мы лишь второсортный корм, ничтожество, даже близко не стоящее с теми «избранными» талантливыми людьми. Но теперь мы действительно избраны. Ведь после ослепления мы пришли ко тьме. К Ворону. Только после того, как потеряли всё, как разрушили себя до основания и как от нас все отсеклись. Мы разорвали себя на куски, упали туда, откуда никому не удавалось выбраться, уничтожили всё то, что напичкали в нас эти люди. От нас осталось ничего, что делало бы нас нами. Теперь мы уже никто и ничто – мы вновь выстроим свой храм, оставив только самое главное, только настоящего себя. Больше никакого лицемерия, никакой лжи самому себе, никаких надежд и неоправданных ожиданий, не правда ли? Только мы и тьма. Внутри и снаружи. Больше никаких угрызений совести, подражаний, зависимости от чужого мнения, жажды внимания, потребности в одобрении. Только ты. Только тьма, сделавшая тебя таким. Только Ворон, объединивший всех нас. Мы – и есть он.

Все загудели, заговорив на непонятном мне языке, задвигались, начали что-то делать, точно к чему-то готовились. А я всё никак не могла прийти в себя после речи и оторвать взгляд от Арни. А точнее от того, кто позади него стоял.

Тинг.

Мерещилось? Слишком обдолбалась? Или просто из-за страха?

Улыбнулась.

Бледное лицо, узкие карие глаза, чёрные спутанные волосы... Она казалась живой, вот только вся её полупрозрачная одежда была в крови.

– Иди ко мне...

Шаг. Два. Ещё один.

Ноги сами понесли меня вперёд, пока разум всё твердил о том, что это невозможно. Тинг пропала. Все об этом говорили. Все смирились с её потерей. И я в том числе.

Но вот же она, стояла так близко...

Кто-то что-то возмущённо сказал, когда я растолкала пару человек, послышался голос Инграма, чей-то шёпот, словно мёртвые жаждали поговорить со мной, достучаться до ещё живого сердца...

Вот только им принесли мёртвое.
Ведь тело Тинг лежало прямо перед моими ногами.

V: Ни сон, ни явь

Иногда жизнь становится очень знакомой. Иногда в глазах у жизни появляется до боли знакомый блеск. Вся жизнь – это вендетта, заговор, мандраж, оскорбленная гордость, вера в себя, вера в справедливость ее приливов и разливов.

Мартин Эмис

– Уродина!

– Страшная, страшная!

Пинок, белая краска, крошки хлеба – всё прилетало в меня уже в который раз. Из детей почти все были китайцами, изредка среди них встречался ещё бледнее цвет кожи другой национальности. Но и такие потешались надо мной, как над разорванной куклой, изляпанной в грязной луже. Воспитательница Лин, увидев новые издевательства, быстро разогнала детей от меня. Она наклонилась ко мне, семилетней девочке, и вытерла рукавом старого свитера слёзы.

– Опять обижают?

– Д-да, – заикаясь, пыталась успокоиться я. – П-почему все считают меня некрасивой? Женищина кинула усталый взгляд на обтрёпанные стены игровой комнаты.

– Ты другая, – она перевернула мою ладонь, чтобы та смотрела в потрескавшийся белый потолок. – И не только из-за цвета кожи или глаз... они видят в тебе совсем иной характер.

– Это моё!

К нам подбежала девчонка лет восьми и ткнула пальцем в кусок тряпки, которую я держала в руках.

– Правда, сяо-Киу? – воспитательница Лин выпрямилась и строго посмотрела на нас двоих.

– Нет! – быстро возразила я, вжавшись искусанными ногтями в ткань. – Я нашла это на улице! Оно лежало никому ненужное...

– Оно моё! – затопала ножками Киу, начиная реветь.

– Воровать плохо, сяо-Рави, – неодобрительно покачала головой женищина.

Я посмотрела на неё вновь наполнившимися слезами глазами, а в груди всё так и изнывало от несправедливости и обмана.

– Но оно никому не принадлежит! Я просто хотела сшить наряд и доказать всем, что красивая...

– Я тебе дам других тканей, – нашла компромисс воспитательница Лин и тише добавила мне на ухо: – Иногда лучше кому-то что-то отдать, чтобы в дальнейшем получить нечто большее.

Я не верила в её слова. Не верила, ведь на меня столько раз кидали цепи лжи, пользовались моей детской наивностью, подставляли, ругали, били. Столько слёзных ночей я провела на своей кровати в углу...

Так не хотелось расставаться с тем, из чего я могла бы сотворить что-то красивое, дорогое своему сердцу. За что меня могли бы, быть может, даже похвалить. Но под внимательным взглядом воспитательницы Лин дрожащей рукой пришлось протянуть тряпку Киу. А та, хитро улыбнувшись, убежала к остальным девочкам. Наверняка для того, чтобы рассказать обо мне гадости...

– Не плачь, – женищина положила руку на моё плечо и улыбнулась лишь взглядом. – Пойдём, я тебя с кое с кем познакомлю.

И, взяв за руку, повела в сторону группы мальчиков, гонявших мячик. Но недалеко от них я заметила, как сидел какой-то бледнолицый черноволосый паренёк лет одиннадцати и что-то усердно рисовал. Именно к нему мы и направлялись.

Он почувствовал моё приближение раньше, чем воспитательница Лин окликнула бы. Он встал, улыбнулся и протянул руку для пожатия. Такой красивый! И с такой доброй улыбкой! Застыв прямо перед ним, я в немом восхищении разглядывала его тёмные родинки на лице, длинные конечности, тёмно-карие глаза – отчего-то чувствовалось в нём душевное родство, звезду жизни, яркий лучик света. Хотелось его крепко обнять, как спасательный круг, но паренёк решил для начала представиться.

– Привет, птичка. Меня зовут Алестер Эльху.

Его имя до сих пор было и оплотом для меня, и страшным сном. Тем самым кошмаром, от которого я просыпалась в холодном поту. Ровно как и сейчас. Сердце билось в пыли обгоревшего прошлого, мысли отчаянно бежали от ядовитых огней приюта, сознание пыталось стряхнуть с себя всю загустевшую кровь.

Дышать. Просто дышать.

Это просто грёбанный сон. Я выросла. Всё осталось там, в прошлом, в золе полыхающего дома.

Теперь меня никто не обидит.

Постепенно всё успокоилось, вернувшись в норму. А заодно и в реальность. Боль барабаном стучала по вискам, в горле пересохло, всё тело казалось слишком горячим, растянутым, измождённым. Перед глазами мелькал бежевый потолок, где-то за окном лениво падали снежинки, освещая помещение синеватым цветом. Погодите-ка... это не моя комната.

Я села на чужой кровати с трудом, держась за ноющую голову, и огляделась.

Вот же Гуй.

Это было общежитие. Я сразу его узнала по старому ремонту, на контрасте которого некрасиво выделялись современные вещи: стеллаж, компьютер, картина Клода Моне, новое утеплённое окно. Я как-то бывала в этом здании, когда ходила в гости к Тинг или когда с кем-то случайно по пьяне приходила сюда...

И этот раз оказался не исключением.

Голый Генри ещё крепко сопел рядом со мной, и мне ничего не стоило догадаться, чем мы занимались сегодня ночью. Как так получилось? Я вспомнила клуб, потом Инграма, затем секту, а дальше... *тело Тинг.*

Я резко встала с кровати, из-за чего чуть ли тут же не упала. Порылась в вещах, нашла аспирин и запила его газировкой. Жаль, что не снотворным. Так и хотелось забыть то зрелище, которое я увидела там, в подземной усыпальнице. Но, видимо, сделала это раньше – напилась и накурилась, раз даже согласилась переспать с Генри. С другой стороны, мне теперь действительно стало легче.

– Чудесное утро, моя богиня.

Генри проснулся как раз вовремя, чтобы застать меня уже почти одетой. Среди его вещей я нашла красную рубашку, которую быстро на месте ушила, погладила и надела под платье: домой заходить я не собиралась, а в университет в столь открытом виде приходиться тоже не хотелось. Что бы ни произошло этой ночью, нужно срочно разобраться со всем этим.

– Прошедшая ночь была горячей, но мне уже пора, – я откинула только что расчёсанные волосы назад и повернулась к выходу.

– Постой! – вдруг воскликнул Генри и, даже не прикрывшись, подскочил к тумбочке, чтобы начать что-то быстро там искать.

– Твой зад, конечно, прекрасен, но мне осточертело его видеть, – раздражённо процедила я.

– Равенна Вэй, я люблю тебя, – парень, наконец, повернулся ко мне и встал на одно колено. – Ты выйдешь за меня?

Я рассмеялась тут же, искренне, на полную катушку. Непривычно было издавать подобные звуки, но ситуация действительно оказалась настолько забавной, и я не сдержалась.

– Ты идиот? Нет, конечно, – я даже не взглянула на кольцо, лишь в жалкие глаза парня, желая показать ему всё своё презрение к его любви ко мне.

Тот оказался полностью растерян.

– Но... мы ведь столько раз делили вместе постель...

– А ещё и множество других как у тебя, так и у меня, – высокомерно усмехнулась я, всё больше получая удовольствие от этого представления.

– Но мне хорошо только вместе с тобой, – не шибко уверенно продолжал Генри, – я буду любить тебя до самого конца, дарить украшения, делать всё, что ты только попросишь...

– Мне не нужна ещё одна прилежная собачонка, – я коротко рассмеялась. – Мне нужен тот, кто будет со мной наравне.

И ушла, захлопнув дверь, чтобы ещё раз подтвердить свой отказ. Вот кретин! Надо же быть такой амёбой, чтобы додуматься до предложения! Даже не жаль его, сам себя подставил, унизил и закопал в могилу любви. Пусть ещё пойдёт и выпрыгнет из окна, всё равно плевать будет. У меня с гусеницей куда больше общего, чем с Генри.

С другой стороны, в чём-то он оказался полезен, ведь я очнулась в общежитии.

А тут когда-то жила Тинг.

Я нашла её комнату довольно быстро, в самом конце коридора на втором этаже. Дверь была заперта, но я быстро взломала замок шпилькой – этому навыку набралась ещё тогда, когда Мэри постоянно запирала меня в сушильной, без еды и воды, чтобы я «очистила и организм, и мысли», как она постоянно твердила. Большей чуши в жизни не слышала. Разве что только сегодня от Генри.

Везёт мне с идиотами.

Темнота, пыль, запах чего-то кислого – комната встретила меня напряжённо, с опаской смотря из-под усыпанной одеждой пола. Похоже, полиция тут хорошенько всё осмотрела: перевернула полки, забитые книгами, мангами и игрушками, неопрятно надели парик обратно косплею, высыпали мелкие вещи на стол и не убрали за собой, но зато казалась нетронутой кровать. Атмосфера и предметы остались прежними, какими я и их видела в последний раз. Кроме почти закрытого окна, из которого немного поддувало. На секунду я замерла. А может, полиция действовала аккуратно, а разбросал все вещи вокруг кто-то другой? К примеру тот, кто пробрался через окно и так непрочно прижал его обратно.

Я закрыла его до конца, и когда взгляд упал вниз, в недоумении замерла.

«Против воли не погрёшь,

После ножа не проживёшь».

И вновь записка.

Но почерк уже иной, а точнее это вообще напечатанный лист. Я сразу догадалась, что это предназначалось Тинг: вчера я видела её тело, покрытое ножевыми ранами. Остекленевшие глаза, посиневшая, уже немного иссохшая, загноившиеся порезы, тёмно-бордового цвета кровь. Вот так выглядела смерть – безутешная жрица, ликовавшая каждый раз от пойманной души и бесконечно рыдающая от криков, стонов, плача. Лишь смерть видела столько жизни, сколько не видел никто из нас.

Слёзы одинокими каплями падали с водопада в ущелье сожаления, горечь крапивой прорастала в горле, утрата ощущалась как смена солнца на луну. Холодное, безжизненное, ничёмное существование – порой так ощущалась моя судьба в самые страшные моменты. Пока я вновь не вставала на ноги и гордо не шла вперёд. Но вчера... вновь подкосилась. Прошное напомнило о себя жуткими тенями, а убийство... показало мне то, *от кого* я скрывалась.

В тот миг, когда я увидела Тинг, я поняла, что потеряла её навсегда.

Как так получилось, что тело оказалось у секты? Неужели они её похитили и убили? И почему именно Тинг? Связана ли она была с ними ещё при жизни? И почему не было вони от её шестидневного тела? Вопросы роились в голове, как мухи над мёртвой тушей, а тут ещё и эта записка. Уже вторая. Радовало, что написана она не мне.

«...берегись, девочка-ворон...»

Я ещё раз окинула комнату взглядом, пытаюсь найти, что поможет мне приблизиться к разгадке убийства Тинг. Анна вчера обмолвилась, что Тинг интересовалась историей жизни Рэбэнуса Донована. Возможно, Тинг как-то помешала планам его культу, за что её и убили? Если это были они, конечно, а не кто-то иной, вообще посторонний. С другой стороны, зачем секте тогда понадобилось тело?

Я с трудом напрягла память. После увиденного... я пробыла на собрании недолго и тихому смылась, чтобы быстрее забыть весь кошмар. *И не вспоминать прошлое.* Поэтому, что стало с телом убитой, я не знала, но это можно легко выяснить у Арни или у Инграма. И, казалось бы, на этом можно было бы и остановиться, но... я чуяла, что здесь что-то ещё. Что-то не так.

Что-то явно связано с Рэбэнусом.

Взгляд зацепился за книги. Никогда не видела, чтобы Тинг читала их, а вот мангу и комиксы – пожалуйста. Значило ли это, что среди них она хотела что-то спрятать? Коричневые, зелёные, яркие, золотистые – всякие разные, но одна из них слишком потрёпанная, точно её кто-то часто открывал или ронял. Я взяла её в руки: лёгкая, невзрачная, со стёртым названием. Открыла – и улыбнулась во все зубы, обожая себя за свою гениальность.

Вот так надо работать, бездельники.

Внутри из страниц был вырезан глубокий прямоугольник, специально для хранения сложенной в нём вполне новой бумажки. Кинула книгу на подушки, сама села на кровать и раскрыла листок.

И ахнула.

Кровавый отпечаток сердца.

Словно к поверхности бумаги вместо ладони приложили настоящее сердце. Но это невозможно! Либо это очень хороший художественный рисунок кровью, либо это не орган убитой, либо... из Тинг вынули сердце. А как она жила после? Ведь когда я вчера увидела её труп, то не заметила никаких ножевых ранений в районе сердца: лишь в живот и в голову.

Да ну, чушь какая-то.

Хотя меня напрягало ещё кое-что, а именно – текст на этом листке. Тот же самый почерк, что и на записке, которую я получила вчера. А значит, Тинг тоже имела проблемы с этим неизвестным – тем, кто стоял за всем творящемся. Разобрать сквозь кровь было трудно, но я всё же уловила суть, о чём написано: без каких-либо условий какая-то клятва вместе со сделкой, где за свою душу можно получить всё что угодно. А внизу – подпись и инициалы «Р.Д.»

Сердце пропустило удар.

Рэбэнус Донован? Действительно всё ещё жив?

Ну нет, это уже слишком! Сначала говорящие о нём мои однокурсники, затем странные слухи от Хилари, потом помешанные на нём сектанты, а теперь ещё и это! Не мог человек жить больше ста пятидесяти лет, а сейчас заключать с кем-то контракты. Это точно какой-то мошенник, розыгрыш или ещё что-нибудь в таком же духе. Никакой магии, мистики, опасности и всего остального. Да, Тинг убили, но от этого не стоило впадать в панику. Ужасная потеря, даже для меня, интересная загадка, но чтобы всерьёз верить, что мёртвый злодей оказывается ещё жив... это уже бред.

По крайней мере, пока не найду доказательства, в это не поверю.

Уже собираясь положить книгу обратно на полку, я заметила в ней ещё кое-что: кусочек газеты с новостью о том, как семь лет назад сбили какую-то девочку. Почти размытая фотография была оторвана от остального текста, так что тут сохранилось лишь совсем чуть-чуть слов, чтобы понять, о чём шла речь и зачем это Тинг. Но я решила забрать всё, прежде чем уйти, осторожно закрыв за собой дверь.

Улица встретила алым светом фонарей, мерцанием вычищенного льда, утренней тишиной города, ещё не окунувшегося в людские страсти, проблемы и грязь. Белые крупинки снега оседали на моих волнистых волосах, доходящие до лопаток, таяли, сливаясь со тьмой цвета, мокрыми каплями стекали по смугловатой коже до воротника красочного пальто. Синие, коварные, совсем недавно испещренные искрами лукавства глаза потускнели и превратились в две безжизненные стекляшки. В голове – бессмысленный гул, состоящий из столкнувшихся мыслей, суматошной беготни чувств и пролитой крови вопросов. Увиденное до сих пор упорно наворачивало круги по разуму и сбивало с толку. Прямо в бездну.

Равенхилл – могила древности, криков, тайн, ужасов. Здесь гноились раны, здесь падалью обживались люди.

Равенхилл – алый закат солнца, уходящего от разрухи, нелепых новых построек и скользящих жителей.

Равенхилл – город с численностью всего сто тысяч человек, но с такой большой историей...

Когда я переехала в этот город, чуть больше полгода назад, то не собиралась ничего тут искать, разгадывать или влезать в чужие дела с болезненными ощущениями прошлого за каждым углом. Но чтобы не выглядеть совсем приезжей дурочкой среди остальных, я почитала немного истории о Равенхилле и об университете. Узнала лишь, что Рэбэнус Донован был очень влиятельным человеком, который помог большому количеству людей, пока не произошёл пожар в ещё совсем маленьком городе. С тех пор его считали погибшим, а все слухи о магии и мирах – лишь выдумкой. Подробностей пожара и судьбы Равенхилла до него почти не было, зато куда больше было рассказано о событиях после: о перестройке города, новой жизни, открытии школ и одного единственного университета, расположившего в замке Рэбэнуса. Сменились поколения, забыли о страшных происшествиях, начали принимать иностранных студентов и развиваться в сфере культуры, искусства и истории. Казалось бы, всё изменилось, но... отчего-то до сих пор улавливался запах тёмных времён.

Что-то ещё узнавать у других я тогда не собиралась, считая полученную информацию вполне достаточной и достоверной. Но, видимо, это может оказаться не так. А знал ли кто-нибудь в Равенхилле правду? Сохранились ли коренные жители, помнящие историю, слышащие её от уст родителей? Ведь на первый взгляд мне казалось, что никто, как и я, не вникался в прошлое города и его то ли героя, то ли злодея. Хотя не стоило отменять того факта, что все могли что-то скрывать...

А я была в этом уверена.

– Bonjour, madam!

Отвлекать меня от мыслей – любимое занятие Вильгельма. Всегда во всём манерен, но в бессовестном вторжении в личное пространство другого человека был его шарм. Словно по себе знал, каково это – наворачивать бесчисленные круги в мыслях, крутиться, как волчок, и не иметь возможности выбраться из собственной западни. Вильгельм постоянно привлекал к себе внимание, хотя, казалось бы, с его красотой бога это не имело смысла. Но всё же постоянно так делал. Почему? Игра в спасителя людей от самих себя? Герой, что постоянно протягивал руку помощи? Или просто искал выгоду?

С другой стороны, для злого человека Вильгельм был слишком красив: чёрный фрак, рубинового цвета рубашка, серебристые цепи на тёмно-винных брюках, уложенные рыже-каштановые волосы, септум в длинном носу и собранный взгляд серых глаз. Его брови вечно нахо-

дились под таким углом, что делали его лицо суровым, даже злобным – это ещё одна общая черта между ним и Анной. Порой я часто ловила себя на мысли, что сравнивала их: поступки, характер, черты внешности, одежду. Если Анна любила носить всё чёрное и серое, то Вильгельм предпочитал алый цвет и стиль XIX века. В чём-то элементы их нарядов совпадали: наручные часы, браслеты или прокол носа, но в основном – яркий контраст. И как они жили бок о бок каждый день?

С другой стороны, их взаимоотношения мне не совсем ясны, как и их характеры. Словно... им слишком много надо контролировать, следить за каждым словом и деталью. За каждой тайной.

– И вам привет, семейка Готье, – я моргнула, отгоняя от себя мысли.

– Садись, – Анна махнула мундштуком в сторону противоположной двери машины.

Перед тем, как сесть, я оглянулась: ветхие деревья, угрюмо идущие на работу люди, чёрная масса из пальто, грязного снега и мокрых стен домов – даже привычный алый цвет города с трудом пробивался в этот пасмурный унылый день. От общежития я прошла даже меньше половины пути до университета, поэтому рада была сесть в тёплую машину. Не раз Готье меня подвозили, поэтому обстановка была привычной: чистые ухоженные сиденья, полная пепельница перед рулём, несколько новых пачек Marlboro рядом с ней, запах табака и талой воды – их машина была для меня любимее, чем дом, где я жила с приёмными родителями.

Жаль, что никого из этих людей я не могла назвать родными.

– Хочешь кофе? – Вильгельм с соседнего сиденья взял напиток и протянул его мне.

Я приняла из его рук дымящийся стакан и внезапно осознала, что ничего не ела ещё со вчерашнего вечера, понятия не имела, сколько сейчас времени, и с собой ничего не взяла: ни еды, ни тетрадей, ни денег, ничего, лишь небольшую сумочку, где лежал телефон, пропуск и найденная книга Тинг. Задней мыслью я и не хотела идти в университет, но ноги сами на автомате повели меня туда. Дом хоть и по пути, но заходить бессмысленно – стоило ожидать ссор, наказаний и новых запретов. А чем-то всё-таки надо было заняться.

Как всё стало сложно всего лишь за один день...

Но мне это нравилось. Дико нравилось.

– А круассан? – Вильгельм, казалось, превратился в само гостеприимство, что за ним редко наблюдалось. – Жаль, что они не такие вкусные, как у нас во Франции...

Хрустящий снаружи, мягкий и тающий внутри, с тёплым шоколадом – такая оказалась выпечка на вкус. Учитывая, что я ничего не ела, для меня этот круассан казался почти идеальным. Я съела его почти в два счёта, лишь один раз сделав глоток обжигающего кофе. На уже чуть сытый желудок я заметила, что позади наших пассажирских сидений в мешочке были сложены пакетики из-под круассанов и использованный чайный мешочек. Анна никогда не пила кофе, лишь чёрный чай, но зато самых разных вкусов – от обычного с черникой до белого трюфеля с кокосом. Вот и сейчас она пила его, временами делая затяжки сигареты и выпуская дым в немного приоткрытое окно.

– Да, я помню, – на секунду я прикрыла глаза, когда делала новый глоток кофе и вспоминала... – Действительно незабываемый вкус, ни с чем не сравнится. До сих пор помню, как мы с Анной гуляли по Севастопольскому бульвару и зашли в кафешечку. Тогда я впервые попробовала круассан, – *а ещё местных французских парней.* – Мне тогда местный пекарь сказал такую фразу: «Круассан – как живое существо, его нужно чувствовать, и тогда он получится вкусным».

– На что ты пошутила, что не чувствуешь в круассане хруста костей и горькости кровеносной системы, – бледное лицо Анны тронула слабая улыбка.

– Надо было сказать, что я ем чей-то большой палец, поэтому круассан живой, – я хихикнула в её плечо.

Внезапно стало приятно иметь столь хорошее и тёплое воспоминание на двоих. Мы тогда с Анной весь день гуляли только вдвоём, ни о чём особо не болтали, но и не молчали в неловкости. Просто жили моментами, восхищались французской культурой, наблюдали мост Пон-Неф и постоянно курили. Воздух там был иначе – наполнен мыслями, эстетичностью, красотой и коричневыми оттенками. Жизнь не бурлила, но и не стояла на месте – нечто между безудержной радостью, граничащей с безумием, и потоками слёз по каменным плитам дорожек. Золотая середина, серебристая пропасть. Вместе с Анной я ездила на рождественские каникулы во Францию, где мы жили в отеле, гуляли каждый день, засиживались в библиотеках допоздна, распивали алкоголь в местных клубах Монмартра. Пожалуй, Париж – ещё одно место, где я чувствовала себя не столь чужой, как здесь, в Равенхилле.

Чужая среди своих.

Родная среди чужих.

– Имей я хоть какие-то кулинарные способности, обязательно готовил бы их каждый день по истинному рецепту, – Вильгельм говорил беззаботно, но я уловила нотки недовольства даже не в его голосе, а во взгляде, в безупречном лице.

Только когда машина тронулась, я посмотрела на Анну: подбородок слегка вздёрнут, пальцы тербели железный месяц на браслете, серые глаза следили за дорогой, словно она не до конца доверяла своему брату. Или боялась, что что-то произойдёт?

– А ты, Анна?

– Если планируешь отравиться, то я с радостью приготовлю, – её голос оставался ровным, поэтому было невозможно понять, серьёзно она говорила или нет.

– Эй! – я поперхнулась кофе.

– Но сначала я сама попробую, и если умру, то можешь пожить в моей туше для тепла.

Всё же это шутка.

– Я не собираюсь жить в твоей туше, Анна!

– Ты так говоришь, как будто это плохо!

Мы рассмеялись, что бывало очень редко – неожиданно стало легче на душе, словно всё то напряжение, чёрной тенью тянущееся из комнаты Тинг, пылью осело по дороге. Не исчезло, нет, но хотя бы не так сжимало глотку от странного ощущения тревоги. Будто на меня кто-то неотрывно смотрел всё это время, и сейчас наконец-то отвернулся.

– А почему вы переехали сюда? – я спросила это как можно более беззаботно, надеясь, что получу ответ за счёт сложившейся весёлой атмосферы.

Но, видимо, таковой она казалась только для меня.

Брат и сестра Готье переглянулись: Анна глядела больше вопросительно, а Вильгельм словно не хотел её ранить словами. И если скажет что-то лишнее, то возьмёт всю ответственность на свои плечи.

А затем вновь и вновь будет ненавидеть себя за оплошность.

– У наших родителей бизнес, – ложно-будничным тоном проговорил Вильгельм, внимательно следя за светофором, когда мы затормозили на перекрёстке. – И не всегда легальный. Поэтому из-за их ошибок нам пришлось вместе бежать в Англию, продав свой родной дом во Франции.

Так вот почему мы не жили в их доме. Вот почему Анна так тщательно избегала улицы, знакомые с детства. Вот почему мы не ходили по другой части Парижа, по его окраинам. Анна не хотела попасться на глаза врагам. *Или просто боялась боли от прошлого?*

– А почему именно сюда переехали, в Равенхилл? – я мельком кинула взгляд на притихшую подругу.

Вильгельм вновь надавил на газ, но мне показалось, что он бы с радостью помчался со всей скоростью машины.

Надеюсь, чтобы не разбиться насмерть.

– Это дыра, где тебя никто не будет искать, – предвзято отвечал он. – Да, город вполне развивается, в него стекается куча новых студентов, но все они по возможности тут же уезжают отсюда после окончания университета Донована.

– Нам просто быстро предложили здесь дом за небольшую цену, – чуть резко подытожила Анна, убрав мундштук в свою маленькую сумочку.

Ещё один важный вопрос вертелся на языке, но видя, как на это всё негативно реагировала Анна, я решила задать сначала другой:

– А как ты сразу попал на третий курс?

– Во Франции я учился на почти таком же направлении. С лёгкостью сдал экзамены, договорился и так и попал.

– И вы... скучаете по родным краям?

Анна.

Что же ты скрывала? Почему так сейчас взволновалась, не удержала контроль над эмоциями? Какая цепь впивалась тебе в кожу, не давая уйти от оков? Что ты так упорно держала в себе, каждый день всё больше погибая изнутри? Отчего-то я была уверена, что именно сейчас девушка действительно что-то чувствовала – и так много, столь сильно и мучительно. Вильгельм выглядел почти таким же – хмурым, напряжённым, сжавшим руль до белых костяшек.

И почему я любила задавать им провокационные вопросы, зная, что Готье этого не любили?

С другой стороны, обо мне тоже никто не заботился.

Так что пошли все к Аоиню.

– Знаешь... как переводится с французского «*tu me manques*»? – на вопрос Анны я отрицательно покачала головой. – «Ты отсутствуешь у меня» – вот как это звучит. На нашем языке нет такой фразы «я скучаю по тебе». И я не скучаю по Франции. *Она отсутствует у меня.* Так, словно это часть меня или даже орган, сердце. А у меня его жестоко выдернули.

Показала эмоции.

Анна наконец-то показала эмоции – глубокие, острые, ржавые от пролитых слёз. Где-то там, внутри неё, чувства вновь мешали, пока она целовала небо. Если они не свяжут верёвкой, то превратиться в птицу – но куда она в человеческом облики, голодные псы снова и снова глодали её кости. Заговоришь на языке кровавых цветов – шагнёшь в лес мёртвых бабочек. Там, среди этих бестий, не существовало богов – бессмысленно звать, безнадежно верить.

Анна была одна, а их – страхов, боли, отчаяния – слишком много. Ей обломали крылья, а земля не приняла нездешнюю тварь. Небо отвернулось, зато темнота всегда была рядом.

Вот только она лишь губила.

– Надеюсь, если мультивселенная всё же существует, то в каком-нибудь из миров мы живём там, где хотим, – вспомнив о неплохих днях в Чэнду, проронила я.

– И счастливо, – с такой болью в голосе сказала Анна, что я пожалела о всех своих плохих мыслях насчёт неё.

Но не успела ничего сказать, как подруга уже вышла из машины. За мыслями и даже галлюцинациями я только сейчас осознала, что мы доехали до университета. Со смешанными чувствами я тоже вылезла из автомобиля, уже собираясь догонять Готье, но этого не пришлось делать. Они застыли вместе с остальными студентами, которые столпились вокруг кого-то, валявшегося на снегу прямо посреди парковки. Где-то вдалеке послышался вой сирен полицейских машин...

Клуб. Алкоголь. Инграм и Арни.

Мантии, тени, коридор. Секта. А там...

И уже тут, снова в центре.

Тело Тинг Моу.

VI: Ни страх, ни хаос

То, что мы называем хаосом – это всего лишь закономерности, которые мы не сумели распознать. То, что мы называем случайностями – это всего лишь закономерности, которые мы не в состоянии расшифровать. То, что мы не можем понять, мы называем бредом. То, что мы не можем прочесть, мы называем тарабарщиной.

Чак Паланик

«Если вселенные могут возникать из черных дыр, то, по мнению некоторых физиков, доминирующими вселенными в Мультивселенной будут вселенные с наибольшим количеством черных дыр. Это означает, что, как и в животном царстве, вселенные, дающие начало наибольшему количеству «детей», в конечном счете становятся доминирующими и распространяют свою генетическую информацию – физические константы природы. Если это верно, то у нашей Вселенной в прошлом могло быть бесчисленное множество предков-вселенных, а сама она является побочным продуктом триллионов лет естественного отбора...»¹⁰

Смысл прочитанного неизбежно ускользал. Мысли цеплялись друг за друга, как утопающие, и вместе уходили в пучину водорослей. Сосредоточиться не получалось, как бы ни интересна была глава о Мультивселенной.

Университет не закрыли после нахождения тела Тинг, но занятия отменили на сегодняшний день. Всю парковку перекрыли, и многие студенты не смогли уехать домой, поэтому малыми группками болтались по замку. Мы с Анной и Вильгельмом решили быстро скрыться с места «преступления», чтобы избежать лишних вопросов полиции, хотя я на них уже отвечала, когда все пытались найти Тинг.

Ура, нашли всё-таки. Поздравляю.

Спектакль наконец-то закончился.

Мы втроём решили спрятаться в библиотеке: Готье пошли искать классические произведения на французском, а я решила отвлечься на любимую мультивселенную. Но никак не выходило, Гуй побери.

Раздражение.

Красными пятнами оно раздирало кожу, на медленном огне поджаривала эмоции, вот-вот – и возьмёт в руки сковородку, чтобы перевернуть моё приплюснутое настроение. Злило лицемерие людей – как только узнали о гибели Тинг, сразу же начали её жалеть. А до этого плевать они хотели на неё.

И в этом вся суть человека.

«Потеря есть начало размножения, множество – начало потери»¹¹.

Ужасно раздражало то, что я не знала ответов на самые важные вопросы. Кто убийца, зачем убил и будет ли убивать ещё? Или дело ограничится одной лишь Тинг? И где, Гуй побери, Инграм и Арни? Это ведь они наверняка подкинули тело бывшей однокурсницы. Я даже представила эту сцену: Арни едет на своём старом Мерседесе, открывает багажник, пока Инграм стоит на шухере, и тихонько кладёт Тинг на холодную землю. А затем быстро уезжает вообще на другую парковку.

А камеры?

¹⁰ Митио Каку «Параллельные миры».

¹¹ Цитата Лао-цзы.

На секунду я напряглась. А не потому ли я их не видела сегодня, потому что их задержали? Нет, глупо. В Равенхилле очень мало камер, даже в университете они есть только на входе. На других домах, столбах, кафешках или в редких торговых центрах – крайне мало. Почти нет. Безопасность, конечно, на колоссальном уровне, просто блеск.

Писк телефона отвлёк от смятой страницы, которую я зажала ногтями в попытках успокоиться.

«Слышала о последних новостях?..»

Нет, блин, не слышала. Глухая же совсем. Что за тупой вопрос, Джейсон?

«Встретимся у входа в библиотеку через пять минут».

И выключив телефон, двинулась мимо стеллажей. Высокие, украшенные позолотой и красной тканью, величественные – словно рыцари книжного мира. Корешки ровные, ни единой пылинки, всё блестело, такой простор чувствовался в столь большой библиотеке, точно тронный зал, а не помещение для изучения учебников и старинных филиалов. Уверена, где-то среди всего этого богатства были и необычные книги. Либо тайная комната с подобными историями. Ведь не может жить такой человек, как Рэбэнус Донован, в своём замке и не иметь страшных секретов, спрятанных прямо у нас под носом? Почему мне раньше не приходила в голову мысль, что здесь могли быть скрытые места, двойное дно? Ведь если сравнивать вид снаружи и кабинеты, которые мы использовали для учёбы, становилось ясно, что где-то пропадали ещё помещения... Но где конкретно и как туда попасть? И знали ли о них преподаватели и деканат?

– Равенна?

Равенна.

Сяо-Рави.

Мисс Вэй.

Девочка-ворон.

Равенна-Равенна-Равенна.

Я любила своё имя – оно отлично подчеркивало мои синие азиатские глаза, хищный взгляд, утончённые черты лица, высокий рост, а самое главное – пугающую власть. Во мне, быть может, и не было никаких отличительных внешних характеристик, но я была определённо красива и сексуальна, а это уже очень привлекало. А необычные и яркие наряды лишь ещё больше усиливали должный эффект.

Я подходила к Джейсону величаво, с важным видом – похожа на недостижимую цель, на жестокое проклятие без шанса выжить. Словно сама Си-ван-му, вышедшая из Страны мёртвых¹², дабы покорить глупых смертных. Я – богиня страсти и крови, смерть мой дорогой друг.

Я видела по глазам Джейсона, как тот натягивался от одного только моего грозного взгляда. Хотел поймать, спрятать, сожрать, выпить меня полностью – дикое желание, как всегда возникающее в нём при появлении меня. Особенно в постели... Вот только сам Джейсон не вызывал у меня ничего подобного.

– Почему решили устроить высшее учебное заведение прямо в замке Рэбэнуса Донована? Разве это законно?

– Ты об этом хочешь поговорить? – совершенно не ожидал такого напада Джейсон. – А как же... Тинг?

Крики. Рвота. Страх. Шептание.

Шум – вот что сейчас заполняло коридоры замка. Волнение, ужас, шорохи... Студенты встренулись, заболтали, словно очнулись от тягучей полудрёмы, встряхнули с себя слезь

¹² Китайская богиня, одна из наиболее почитаемых в даосском пантеоне. Согласно китайской традиции, Си-ван-му являлась повелительницей Запада, хранительницей источника и плодов бессмертия. В более древних мифах она выступает грозной владычицей Страны мёртвых, находившейся на западе, и хозяйкой небесных кар и болезней, в первую очередь чумы, а также стихийных бедствий, которые она насылает на людей.

медлительности, но только для того, чтобы вновь забраться в кокон страха. О Тинг сейчас говорили куда чаще и больше, чем обо мне – ещё один фактор раздражения. Надо бы взять ситуацию под контроль, вновь заявить о себе, сделать акт милосердия – пусть люди забудут о несчастной гибели, но не обо мне.

– Отвечай на мой вопрос.

Джейсон закусил губу, явно до этого намереваясь мне возразить, но из-за мягкой натуры не мог допустить такого.

Тьфу, как мой приёмный отец.

– Есть разные теории... одна гласит, что Рэбэнус сам написал завещание, чтобы в его замке «проводились обучения магии».

– Но все решили убрать последнее слово и проводить просто занятия? – быстро догадалась я, представив эту несложную картину.

– Всё верно, – парень ещё больше напрягся, нервно поглаживая рукав своего джемпера. – Но не знаю, насколько это правда.

– А ещё теории?

– Когда после пожара Равенхилл начал восстанавливаться, не стало хватать больших зданий для школ, а для высшего учебного заведения – и подавно. Поэтому решили устроить университет прямо тут, в замке Рэбэнуса. После того, как, конечно, тщательно обыскали его.

– И ничего не нашли, – предположила я, ведь если бы нашли что-то из ряда вон ужасное, то мы бы наверняка никогда не учились бы в этом замке.

– Говорили, что нет. Как будто... – Джейсон нахмурился настолько сильно, что его глаза почти что скрылись под толщиной бровей, – Рэбэнус специально зачистил это место перед смертью.

Странно. Не похоже на него.

Так, стоп.

С чего вдруг я это решила? Я же не знала Рэбэнуса, что и невозможно, ведь он давно мёртв. И даже не изучала его покрытую тайнами судьбу. Что уж говорить – я понятия не имела, как он выглядит, ведь в интернете не нашлось ни единой его фотографии, картины или описания с чьих-то слов. Словно он специально тщательно следил за тем, чтобы никто не проговорился о его внешности.

Что тоже не похоже на него.

Да почему я так была уверена в этом? Точно не моя мысль проскальзывала в голове, а чья-то... другая. С другой стороны, можно объяснить эту теорию логически: такой властный человек, как Рэбэнус Донован, стремился оставить след в истории. И не только его, но и ещё тёмную кровавую дорожку за собой, точно у него с самого начала был такой план – всех обмануть, убить, поджечь, а затем потеряться, чтобы в будущем гадали, куда он пропал. Официального подтверждения нахождения его останков не было, но всё же Рэбэнуса похоронили на местном кладбище.

А может, раскопать и посмотреть, кто там внутри гроба?

– Мне кажется, в этом замке всё же что-то есть, – отдёргнула я себя от мыслей, попытавшись сосредоточиться на коричневой радужке возле самого зрачка Джейсона.

– Не знаю, – вздохнул тот, явно чувствуя себя неуютно и как-то боязливо косясь на стены. – После случившегося... мне не хочется обо всём этом думать.

– Ты же даже не общался с Тинг.

Парень посмотрел на меня с неприязнью, смешанной с сожалением. Точно ему жаль, что я не понимала обычных человеческих чувств, но испытывал по этому поводу неприятие – ведь таков был мой выбор. Хотя я и пыталась его порой исправить.

– Это смерть, Равенна. И она забрала очень молодую душу. Красивую, полную энергии и ума, светлую душу. Человека, который мог ещё жить, учиться, путешествовать, творить что-

то значимое для мира. А Тинг... так рано погибла. Страшно представить, если бы вдруг на её месте оказался кто-то другой. Хотя куда уж ещё хуже? Погиб человек. Все, кто с ней не знаком лично, почему-то обесценивают её смерть, радуются, что это не их родители или друзья. А для кого-то Тинг была близка и родна. Но... что ещё хуже – это убийство. Жестокое, безнаказанное, да ещё и вывернутое на всеобщее обозрение. Это... ужасно.

– Но это сделала не секта, – заранее предупредила я.

– Что? – удивился Джейсон, явно поражаясь, почему я так холодно отнеслась к смерти своей несостоявшейся подруги.

А я просто смирилась. Слишком многих потеряла за свою недлинную жизнь. Каждого оплакивать – захлебнёшься.

– В новостях слышала, что подозревают во всём секту, и это совершенно естественно для людей. Но я просто чувую, что тут замешан кто-то ещё, – я вспомнила весь вчерашний день. – Странно, что после всего содеянного Рэбэнуса до сих пор некоторые почитают. Но если большинство относится к нему со страхом, то почему мы всё же учимся прямо в его замке?

– Равенхилл небольшой город, чтобы разбрасываться столь большими зданиями, – пытался что-то ещё вспомнить Джейсон.

– И только из-за этого?

Он смирил меня крайне недобрым взглядом – впервые я видела его в столь мрачном состоянии. С другой стороны, чужая гибель на всех по-разному влияла.

– Ну, ещё мэр города сам предложил эту идею и сам же её реализовал. Я же говорю, много разных теорий.

– А кто может знать правду?

Джейсон вдруг всплеснул рукой.

– Да очнись же, Равенна! Твою однокурсницу убили! А ты задаёшь такие вопросы. Тебе разве совсем не больно из-за этого?

Вспышка – и злость пламенем разлилась по венам. Я ткнула пальцем ему в грудь, впив острый кончик серебристого ногтя.

– Не тебе говорить мне о боли, – синие глаза сияли яростью. – Не тебе.

– Эй, голубчики!

Арни вальяжно вышел из библиотеки – мятого цвета пиджак, бежевая рубашка и позолоченный монокль, болтающийся на цепочке. Растрёпанный и непоседливый – в нём удивительно сочетались черты ребёнка и сумасшедшего гения. Позади него тёмной тенью плёлся Инграм: мрачный, одетый в самую обычную серую одежду и в явном не настроении с кем-либо разговаривать. И как они вдвоём вместе уживались? Или когда они были наедине, то вели себя как-то иначе?

– Ну что, Джаред, как твои дела? – Арни остановился напротив нас.

– Я Джейсон.

– Хорошо, Джон, как скажешь.

– Моё имя Джейсон. Что, так сложно запомнить?

– Вот только не надо на меня обижаться, Джейкоб!

Арни рассмеялся, на что Джейсон лишь ещё более колючим взглядом посмотрел на меня, словно я была во всём виновата. Хотя такие их перепалки случались каждый раз при встрече.

– Ладно, тогда давай до новых встреч, – не стала я больше мучить горюющего Джейсона и кивнула подбородком в сторону открытой двери. – Всё равно ты собирался взять почитать что-нибудь о китайских мифах.

Мой прозрачный намёк Джейсон сразу понял. Чуть приобняв меня за плечи, он кинул недоверчивый взгляд на Арни и Инграма и скрылся среди полок библиотеки.

– Что это было, Аоинь вас дери? – я скрестила руки на груди, ощущая в груди непрощедшую злость.

– Эй-эй, полегче, чертовка, – как бы сдаваясь, поднял руки Арни, держа в одной из них флягу с алкоголем. – Это был всего лишь разговор с Джейкобом, – *Джейсоном*, – ничего личного. Что-то ещё есть непонятное? – будто я полная дура, спросил он.

– Я о Тинг.

– А что Тинг? – Арни сделал пару глотков и даже не поморщился. – Ну да, убили бедную девочку, а мне никто не верил.

– Откуда вы взяли её тело?

– Ну, точно не с потолка, – Арни на всякий случай посмотрел наверх, точно проверял, действительно ли там не было никаких трупов. – Хотя было бы здорово. Дождь в виде трупов.

– Арни.

– Уже как двадцать лет Арни.

– Откуда тело?

Они видели мой настрой. Не застали в слезах, а в полной готовности что-либо сделать – меня так просто не сломать. Та кукла, что была разбита, теперь переплавлена – начинка та же, вот только материал прочнее.

И Арни это прекрасно видел. Его плечи внезапно поникли, голос стал не столь громким, пропали весёлые нотки в зелёных глазах, что вспомнили горькое прошлое.

– Тинг лежала в ста ярдах от моего дома. Когда выехал за алкоголем вечером, то чуть не наткнулся на её тело. Оно лежало прямо поперёк дороги, словно кто-то специально так положил, дожидаясь меня.

– И ты просто решил её забрать к себе?

– Она была среди *нас*, – впервые за весь разговор подал голос Инграм.

Я в шоке уставилась на него.

– Состояла в секте?

– О, мы не секта, – шрамы парня неприятно изогнулись от кривой ухмылки. – Мы свита Ворона.

«Но теперь мы действительно избраны. Ведь после ослепления мы пришли ко тьме. К Ворону».

Мантии. Лица. Усыпальница...

Они считали себя другими, помеченными чем-то тёмным, не принадлежащими к остальным. Как и любая секта, помешанная на чём-то или ком-то. Но у этих... действительно что-то было своё. *Что-то не так*. По пьяне я не смогла понять, что именно, но и сейчас тоже. Воспоминания – будто размазанная кровь по стене, смешанная с другими, чужими. Уловить что-то определённое не получалось, как и понять картину в целом. Слишком много недостающих элементов, загадок, тайн. Впервые мне хотелось винить себя в том, что напилась в столь неподходящий момент. С другой стороны, будь я трезвой, меня могли бы и не позвать с собой... но зачем они это сделали? Хоть Инграм и объяснил причину, отчего-то я знала, что это далеко не всё.

«Только мы и тьма. Внутри и снаружи. Большие никаких угрызений совести, подражаний, зависимости от чужого мнения, жажды внимания, потребности в одобрении. Только ты. Только тьма, сделавшая тебя таким. Только Ворон, объединивший всех нас. Мы – и есть он».

Свита Ворона.

Почему они называли себя так? Ведь свита бывает только при живом человеке. А Рэбэнус мёртв. Но они, включая Арни и Инграма, явно так не считали. И смотрели на меня с опаской, точно одно моё неосторожное слово – и убьют тёмной ночью.

Я была уверена, что они способны на такое.

Особенно Инграм Касс.

– Но... – я хотела возразить, но решила, что лучше спорить потом. Если мои рассуждения верны... то лучше подыгрывать. – Хорошо, ладно. Вы забрали Тинг к себе, чтобы потом перенести её в спальню для... прощения?

– Почти так. – Инграм вертел в руках зажигалку, но смотрел вообще куда-то в сторону, точно ему всё это быстро наскучило.

Как и вчера на занятиях.

– И сначала мне пришлось избавиться от вони у себя лаборатории, – Арни взял невидимую колбу, перелил что-то в свою флягу и, взболтав её, вновь отпил, точно нахимичил какое-то зелье.

– И зачем было подкидывать тело на парковку? – вспомнила я поездку с братом и сестрой Готье.

– Коридоры слышат, – загадочно проронил Инграм, но Арни его понял.

И как они вообще понимали друг друга? Что сейчас, что тогда, в клубе «Huggin Hearts». Как давно они общались? И как так вышло, что за всё время моего общения с Арни тот ни разу не упомянул своего друга? Либо я невнимательно слушала, либо они что-то скрывали.

Меня пробила дрожь.

Что-то за последние два дня я стала слишком часто всех подозревать в секретах. Словно наконец-то открыла глаза... или просто боялась раскрыть собственную страшную тайну.

– Пойдём.

Арни никогда не был тактильным человеком, чтобы касаться кого-то, в том числе и меня, но его товарищ был в этом деле немного иным. Инграм взял меня под локоть и, крепко держа, повёл за удаляющейся по коридору высокой фигурой Арни.

Давление.

Вот что я ощутила, оказавшись так близко к Инграму. Тяжёлая аура, словно электрическое поле, на фоне которого жутко гудели провода. Но напряжение ощущалось больше даже не снаружи, а внутри – я шла будто не по широкому коридору, а по лезвию ножа. Соскользну – и буду сожрана тьмой.

Власть.

Инграм управлял мной: не только физическим прикосновением пальцев к моему локтю – *жаль, что не оголённого* – но и морально. Постоянные провокации, наводящие слова, тайный замысел диалогов, двусмысленные фразы... словно он знал меня куда больше, чем два дня. Словно... имел на меня какие-то планы. И не самые хорошие.

Угроза.

Быть может, мне всё это лишь просто казалось, как и многое другое. Размышлять и подозревать – пожалуй, такое же моё любимое занятие, как и шить. Вот только тут дело касалось дальнейшей судьбы. Один неправильный шаг мог стоить жизни. И хоть меня так и подмывало что-нибудь спросить у Инграма, я понимала – впереди ещё будет уйма вопросов, а любопытной дурочкой выглядеть не хотелось. А попадаться в расставленные чужие сети... лучше сберегу силы для собственной паутины.

Быть может, крупная муха попадёт.

– Сюда.

Арни завернул за угол, за которым я знала, последует тупик. Всего три картины Караваджо – слева, справа и прямо по центру. Довольно часто я видела тут девочек, которые прятались от лишних глаз, в том числе и от моих. Тяжело им быть загнанными овцами – волки всё равно придут на запах страха.

– Тут же нет ничего, – скептически я отнеслась ко всей этой идее.

Инграм слегка напряг пальцы, но мне уже стало больно. Мышцы, скрывающиеся под мешковатой толстовкой, напряжены, лицо полно пренебрежения, белые волосы слегка растре-

пались и падали на высокий лоб, чуть прикрывая тянущиеся шрамы. И даже не вырваться из хватки: не было ни желания, ни сил, ни надежды на то, что это пройдёт для меня бесследно.

Арни вдруг подошёл к центральной картине, схватил её за край и начал постепенно отодвигать. Я сразу догадалась – там тайный проход, как и в клубе под комодом. Такое же тёмное нечто, неизвестное и скрывающее очередные секреты.

Сколько ещё знали подобных ходов Арни и Инграм? И откуда? Зачем?

Облегчение – первое ощущение возникло в груди, когда Инграм наконец-то меня отпустил и направился к не полностью открытому проходу. Слабый свет почти ничего не выхватывал из мрака, но парень смело шагнул в него. Арни, чуть раскрасневшись от нагрузки, всё ещё держал картину, чтобы я тоже смогла пройти. И прежде чем безропотно последовать за Инграмом, его друг подмигнул мне с широкой улыбкой на губах.

– Да всё будет нормально, – сказал он, быстро пролез следом за мной и опустил картину на место.

Тишина.

Полная темнота.

Я понятия не имела, где оказалась, и куда подевались ребята. Из черноты на меня смотрели воспоминания: тонкая полоса между дверцами шкафа, зловещая улыбка собственной тени, пустая тарелка, как и глаза сгоревших детей...

Шорх!

Арни резким движением раздвинул занавески единственного окна. Вечерний зимний свет отбросил серые тени на пустой шкаф с дверцами, рядом с которым тянулись полные книг полки. Лица с бюстов печальным взглядом наблюдали за тремя мягкими чёрными креслами, стоящими вокруг забитого хламом стола: алкоголем, колбами, стопкой книг, перьями и ещё чем-то. Всё небольшое помещение заполняло множество мелких предметов: от картин и глобусов, до исписанных листов, шкатулок и украшений. Пахло табаком, гарью и старинностью, точно ничего не изменилось здесь с тех пор, как пропал хозяин замка. От шикарного камина веяло холодом, как и от дорогой люстры с острыми концами. Если упадёт – перережет тело.

– Это...

– Личный кабинет и по совместительству библиотека Рэбэнуса Донована, – Инграм уже сидел на одном из кресел и попутно читал книгу. – Тут собрано множество сборников о магии, о мирах, о некромантии... В общем, всё то, что ты отвергаешь.

– Как вы узнали об этом месте? – вновь проигнорировала я его провокацию.

– Я любитель везде полазать, – словно у себя дома, Арни ловко открыл бутылку ликёра и разлил на трём кубкам, стоявшим на столе. Видимо, парни тут были не раз. – И какое-то время просто увлекался архитектурой, чтобы заметить подвох в строении замка.

– Ты? И архитектура? – не поверила я, принимая из его рук подобие бокала.

– Отец видел меня во всех профессиях, кроме химика, – закатил глаза Арни, запивая свою обиду алкоголем.

Пригубив напиток, я вдруг поняла, что почти ничего не знала о семье своего недоделанного друга. Лишь только то, что тот жил в своём особняке без родителей, а где те были – я без понятия. Возможно, его отец был до сих пор жив, а вот мать... С другой стороны, о том, что я приёмная, тоже никто не знал, кроме Джейсона.

– Так и что с телом?

– Рано или поздно тело должно было быть найдено, чтобы у жителей Равенхилла не оставалось вопросов. И чтобы они были готовы к опасности. – Инграм даже не притронулся к своему кубку, но, отложив книгу, с наслаждением закурил.

– Какие герои, – не видела я в них ни капли благородства. – Поэтому надо было положить Тинг прямо на самое видное место?

– Да, почему бы и нет? – Арни хихикнул. – И учиться-то особо не хотелось сегодня.

– Такое ощущение, будто вам совершенно плевать на Тинг, хоть она уже и мертва.

Резкий выпад – звон тишины. Я знала, что переступила черту – с другой стороны, сегодня я это делала уже не раз. Знала, что надо было придерживаться плана – но как иначе поступать, если никто не собирался мне ничего говорить? Приходилось давить, задавать неудобные вопросы, выжидать, играть, даже если самой не хотелось. Арни, Инграм, Анна и Вильгельм оказались куда более скрытыми, с ними нужно было долго говорить, изучать их, пытаться понять, а не так, как с остальными. Узнала пару тайн – и всё, человек уже ничего мне не сделает. А тут... целая западня.

Кто кому горло перережет.

– Она была *нашей*, – затянувшись, Инграм холодным взглядом смотрел на меня, встав с кресла. – Ты вчера сбежала, как трусишка, пока мы с ней прощались. Ты отвернулась от неё, лишь бы не принимать ещё одну чужую смерть. Ты поступила подло, как и всегда поступаешь со всеми. А мнишь себя великой, хотя ты – лишь жалкая пташка, ничего больше.

Я сжала зубы, но ничего не сказала. Казалось, Инграм только и ждал от меня порыва гнева, криков, пощёчины. Очередная провокация. Очередной нож в спину. Его игра стоила мне выдержки – и мне это нравилось. То, что он не боялся меня, не пытался сбежать или легко отделаться. Он был первым, кто перешёл мне дорогу и при этом остался в живых. Инграм открыто противостоял мне, пытался укротить, запугать, присвоить себе, как я присваиваю каждого униженного человека. Как приз. Да, внешне он не был красавцем, но его уродство восхищало. Как и моральное.

«Мне нужен тот, кто будет со мной наравне».

– Как давно Тинг была с вами? – мне было непривычно теперь осознавать, что Тинг не была такой беззаботной милашкой, какую из себя строила. Что она состояла в свите Ворона и хранила нечто странное в книге...

– Достаточно, чтобы стать родной. – Арни допил свой кубок до конца.

– А вы сами как давно знакомы друг с другом? – я внимательно следила за тем, как Инграм приближался к своему товарищу.

– Достаточно, чтобы стать братьями друг другу, – Инграм положил руку на плечо пригорюнившегося Арни.

О Нюйва, как же я устала. Рухнув в другое кресло, я приложила холодный металл кубка ко лбу. Почему мне никто не мог нормально отвечать? Почему обязательно надо было говорить загадками, намёками, цитатами? Неужели сложно рассказать всё как есть? Как будто меня специально водили за нос, давали подсказки то тут, то там. Радовало, что я действовала не бессмысленно, осознавала чужие ходы, вот только для целой картины всего найденного было ещё крайне мало. Я пока не знала, ни что таили мои так называемые друзья, ни кто убил Тинг, ни с кем она заключила договор, ни что сотворил Рэбэнус Донован на самом деле.

Нерешительность дрожью пробежалась по руке. Пара капель постепенно впиталась в рукав красной рубашки. Я не имела чёткого понятия, зачем всё это расследовала: то ли из-за слов Инграма, то ли из-за вины перед Тинг, то ли просто от скуки... Однако отступать в любом случае уже поздно. Первые шаги сделаны, оставалось лишь дойти путь до конца.

Видит Нюйва, такова моя судьба.

– Теперь вместо неё будешь *ты*.

Инграм сначала занял место Тинг в нашей группе. А теперь я – её место в секте... нет, в свите Ворона. Такое ощущение, словно этот ход планировался с самого начала. Подстроено. И странный настрой Инграма и его давление на меня побуждали всё больше верить подозрениям. С другой стороны, пока я это осознавала, мне почти ничего не угрожало.

– Я так понимаю, у меня нет права отказаться.

– Ты была на нашем собрании, – кинув окурок в камин, Инграм с каждым словом стал всё ближе подходить ко мне. – Слышала речь. Носила воронью мантию. Находилась в усыпальнице. И знаешь часть наших секретов. Тут либо смерть, либо присоединение.

«– Не хотелось, чтобы ты рассказала всему университету о нашей... деятельности. Но если всё же соберёшься рассказать, то теперь и ты замешана во этом деле».

– И вы бы вправду убили меня? – как и я когда-то убивала...

– Наши руки далеко не чисты, птенчик. И твои тоже. – Инграм словно прочёл кровавое прошлое в моих синих глазах. – Кровью кровь не отмоешь.

– Нужен обряд посвящения.

Арни встал рядом с нами, держа в руках две колбочки: одна пустая, а другая с какой-то чёрно-красной жидкостью. Кивнув ему, Инграм вдруг схватил меня за кисть руки и полоснул лезвием по венам. От неожиданности я выронила кубок, отчего тот со звоном разлил содержимое по полу. И даже не успела пискнуть, как уже пара капель моей крови оказалась внутри пустой колбочки. С довольной улыбкой Арни подошёл к столу, чтобы начать там что-то химичить.

– Что за...

– Не рыпайся, птенчик.

Инграм навис надо мной пугающей фигурой, грубо вцепившись в плечо. Стало робко и крайне страшно – такие же чувства, как и тогда, много лет назад, когда Алестер... *сделал со мной это*. Первый раз. Словно не было после этого бесчисленное количество парней, стонов, отвергнутой близости, когда я всеми силами пыталась забыть образы прошлого. А сейчас...

Инграм нагло ухмыльнулся, с лживой нежностью расстёгивая первую пуговицу моей рубашки. Воздуха стало катастрофически не хватать. Дикое желание заполняло грудную клетку воспалённым вирусом, прожигая каждый вдох. Такое ощущение, словно Инграм не расстёгивал уже вторую пуговицу, а подвергал меня смертельным пыткам, насилию.

Инграм...

Хищник, провокатор и лжец – глядя на него, я не могла отделаться от безумной мысли упасть на колени перед ним.

Я.

На колени?

Тугой узел завязывался где-то в животе – волнение собирало в себя всю желчь, тревога спазмом сжалась в желудке. Я не понимала Инграма – его образ состоял словно из вороха листьев, скрывающих бездонную яму. Хотелось вцепиться ему в плечи и затрясти, чтобы сорвать его зловещую улыбку, лукавый взгляд и полное отсутствие человечности в чёрных мешках под глазами. Жажда хоть как-то защититься приводило к атаке – вот бы увидеть в этих чёрных глазах страх, услышать крик ужаса, с корнем выдрать белые волосы.

Я так мало знала Инграма, но так сильно он уже повлиял на меня. Казалось, вся жизнь до – крошечная пропасть, и только сейчас наконец-то прощупывались ступеньки.

Вот только не вверх, а вниз.

Как и всегда.

Ещё один человек, который не даст ни капли тепла. Если люди приносили лишь мрак, то стоило ли тянуться к свету?

Я крепче сжала в руках ткань платья. Слишком заигралась в собственном воображении, и не заметила, как вновь проиграла в шахматной партии добра и зла. Но чем закончится игра с Инграмом?

Ведь он не поставит меня на колени, верно?..

Третья, четвёртая... пятая пуговица. Кожа покрывалась мелкими мурашками от каждого прикосновения холодных пальцев. Чёрные глаза неотрывно следили за моей реакцией, и мне с трудом хватало выдержки, чтобы не дрогнуть всем телом и не вырваться из чужой хватки.

Впервые меня раздевали без моего желания, против воли и по непонятным причинам – ведь Инграм дал прекрасно понять, что не хотел со мной секса. Тогда для чего он сейчас спускал с меня лямку не только платья, но и лифчика? И почти оголил грудь...

Прикрыла глаза.

Вдох.

Выдох.

Точно жду удар. Пощёчину. Нож прямо в сердце.

Но ничего не произошло.

Шаги Арни заставили открыть глаза. Тот без абсолютного интереса глянул на меня и протянул пробирку с чем-то чёрным Инграму.

– Всё готово.

Инграм наслаждался своей властью надо мной, когда надевал резиновую перчатку и лил непонятную жидкость на ладонь. Взгляды встретились – и я не могла отделаться от ощущения, что проиграла. И уже давно.

Секунда – и Инграм вдруг резко приложил ко мне ладонь, прямо напротив сердца. Я вскрикнула от боли: словно кровь взорвалась в венах, а сердце обожгло огнём. Что-то ужасное проникало прямо внутрь меня, отравляло, очерняло. Так больно, точно я вновь оказалась беззащитной семилетней девочкой...

– Повторяй, – Инграм схватил меня за волосы и прошептал в ухо следующее: – «Познаешь вкус тьмы – познаешь и свою смерть. Но я и есть смерть. И клянусь подчиняться Ворону».

Дрожащим голосом я повторила за ним, всеми силами стараясь не заплакать. Что со мной? Что происходит? Зачем всё это? Почему... почему так больно?

Голова кружилась. Всё темнело перед глазами. Разум тяжёлый, душа точно набита окровавленными камнями, под которыми раздавленной девочкой лежала я.

Одиноко. Страшно. Ничего не понятно.

Ничего не вижу. Ни восхода, ни заката. *Сон ли это?* Где вечер за окном? Где кровавые облака? Не вижу солнца высоко над небом – я оставалась во тьме, жила в ней, подобно демону. Горбатилась над книгами, бессмысленно разглядывая зачитанные до дыр филиалы, и пыталась напирать мозг в попытке собрать слова в связный текст.

Сон ли это? Где я?

Не хотелось путаться в себе. Не верю, что в конце обещанное счастье придёт. Не верю, что в нескончаемом шитье я смогу отыскать смысл жить. Ни во что не верю...

Но хотелось увидеть солнце – его рождение. А через много миллионов лет – его смерть.

И свою собственную...

Сон ли это? Где я?

Мир был чёрно-белым. Весь кабинет казался нереальным, странным, точно выдраным куском из старого фильма. Чёрные шкафы, приглушённый свет из окна, серый пол, нечёткие мелкие предметы... И цветная я. Никогда моя кожа не казалась столь тёмной, а собственное существование – столь неестественным.

Что это? Сон или реальность? Где Инграм и Арни? И почему я цветная?..

Хотя не я одна...

Взгляд упал на тёмно-коричневую книгу, лежащую на столе в чёрном круге, нарисованном с помощью угля. Листы старые, с оттенками жёлтого и коричневого, тёмное ляссе торчало из середины. Единственный нормальный предмет, который явно оказался тут не случайно. Точно ждал меня не один год.

Без какого-либо страха я подошла к кожаной книге, открыла первую страницу. И застыла, прочитав первое предложение.

«Познай вкус тьмы – в твоих руках дневник Ворона».

VII: Ни смысл, ни бессмыслица

Ищете смысл, а творите такую бессмыслицу, что и не придумаете.

Франц Кафка

И проснулась.

Глотая воздух, я резко села в кровати. Пальцы до боли вцепились в спутанные волосы, грудь тяжело поднималась, из носа вытекла капля крови. Чувствовала себя такой изжатой как морально, так и физически, словно только что переместилась из одного мира в другой. То, что сейчас произошло, наполняло липким ощущением безысходности, притаившимся кошмаром – вот-вот и выскочит из-за угла. Реальность не сходилась с необъяснимыми фактами, трескалась, трещала по швам, отдавала головной болью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.